Ислам Сайдаев

УБРАТЬ СВИДЕТЕЛЯ

Книга о «времени, когда друзья становятся врагами, а враги – друзьями»

ПРЕДИСЛОВИЕ
Воспоминания и выводы «благоразумного разбойника»

У всех, кто открывает эту книгу, просто захватывает дух. Оторваться невозможно, и другой реакции встречать не приходилось. Прежде всего, это уникальный исторический документ. Автор подробно рассказывает, как грузинские власти и спецслужбы, причем задолго до прихода к власти одиозного Михаила Саакашвили, сотрудничали с ичкерийскими боевиками и исламскими террористами всех мастей в организации и проведении спецопераций против России и Абхазии. Среди них – взрывы домов в Москве членами «карачаевского джамаата» в 1999 году, рейд Гелаева в Кодорское ущелье (2001), «Норд-Ост» (2002) и создание «Имарата Кавказ» (2007). Каждая тема раскрывается в отдельной главе.

Ценность книги, прежде всего, в огромном количестве информации,

дающейся из первых рук. Автор называет адреса, пароли, явки, должности, звания, бесконечные факты, факты, факты – все, что так радует сердце любого историка и политолога-прагматика. Еще бы ему их не знать: Ислам Сайдаев - не просто наблюдатель, но в недавнем прошлом активный участник описываемых событий. Он - актор, а не объект новейшей истории российско-грузинских отношений. Неудивительно, что у Ислама получилась очень энергичная книга. «*Мы громко смеялись, предчувствуя великую битву, смотря друг другу в глаза и прекрасно осознавая, что скоро многих из нас может и не остаться в живых*», - описывает он одну из тбилисских ночей августовской войны 2008 года.

Сайдаев приводит такое количество подробностей различных грузинских спецопераций против России, что противная сторона вряд ли сможет что-либо на это возразить. С первых же страниц на читателя обрушиваются десятки печально знакомых имен – от Вахи Арсанова и Нино Бурджанадзе до Нодара Натадзе и Ибрагима Яганова.

«Ни один чеченский беженец или член НВФ (незаконных вооруженных формирований) не находился на территории Грузии без ведома властей этой страны», - постулирует автор книги, перечисляя наиболее заметных. Среди них - официальные представители «всех наших полевых командиров», включая Шамиля Басаева, и многочисленные арабские наемники. В конце девяностых - начале двухтысячных чеченские боевики обладали силами, позволявшими им оказывать реальное влияние на внутриполитическую жизнь в Грузии. Условием неучастия в ней чеченцев стала полная и безоговорочная поддержка Тбилиси всех операций, проводимых ими против России.

Однако столь «тесные партнерские отношения» вовсе не мешали грузинским спецслужбам при случае «приторговывать» международными террористами, переправляя их за немалую мзду (автор называет расценки) в безопасный Баку - например, в преддверие «контртеррористической» операции в Панкиси в 2002 году, целью которой была вовсе не борьба с терроризмом, а введение американских войск в Грузию. Если же более выгодной выглядела передача экстремистов России или Западу, то происходило именно это. Не случайно Ислам Сайдаев постоянно упоминает о коварстве и вероломстве грузинских силовиков.

Немалый интерес представляет рассказ о грузинских попытках политизации т.н. «черкесского» вопроса, начавшихся не три-пять, а как минимум двенадцать лет назад, о работе с черкесской диаспорой по абхазской проблематике. Рассказывается и об августовской войне, и о Лопотской спецоперации – не первой в ряду аналогичных антироссийских провокаций грузин.

В книге Сайдаева вообще много свидетельств того, что Тбилиси – разумеется, в тесном сотрудничестве с западными, прежде всего, американским кураторами – еще при Шеварднадзе вынашивал задумки объединения сепаратистских и исламистских проектов на Кавказе и будирования «черкесского» вопроса. Все они получили полномасштабное развитие уже в годы

правления Саакашвили, что доказывает преемственность как грузинской власти (включая и правительство Иванишвили), так и иностранного кураторства над ней.

Автор рассказывает о тбилисских планах «возвращения» Абхазии чеченскими руками, о роли грузинских спецслужб в превращении Панкисского ущелья в базу международных террористов, о поставках боевикам гуманитарных – и отнюдь не только гуманитарных – грузов с Запада и из-за океана. *«Пакистанец Али, организовывавший поставку из США этих грузов под видом гуманитарной помощи, на самом деле был гражданином Великобритании и являлся штатным агентом английской разведки МИ-6»*, - все подробности не перескажешь, книгу нужно просто прочитать.

«Мой опыт общения с «заокеанскими партнерами» показал, что именно Россия, а не Америка является истинным союзником мусульман, а самое главное, что чеченцы никому больше не нужны, кроме России», – таков вывод Ислама Сайдаева. Сделав его, он изменил свою жизнь и вернулся в Россию. Через несколько лет тем же путем проследовал и один из героев книги Хизри Алдамов. Свидетельства таких людей, непосредственно участвовавших в информационной войне против России, на собственном опыте убедившихся в лживости и коварстве грузинских властей и западных «союзников» и в результате пересмотревших свои взгляды, стоят тысяч страниц болтологии «политологов», знающих Чечню, Грузию и Россию только по экрану монитора. А поскольку планы окончательного вытеснения России с Кавказа отнюдь не сданы в утиль, книга Ислама Сайдаева о том, что на самом деле происходит в регионе, будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем патриотам нашей Родины.

Яна Амелина, начальник сектора кавказских исследований Российского института стратегических исследований

«Клянусь говорить правду и ничего кроме правды, и да поможет мне БОГ!»

Вступление

В этой скромной работе я хочу поведать читателю, о том, как складывалась моя судьба в период с 1999 по 2011 годы, когда Чеченская Республика была объята пламенем войны, разожженной международным терроризмом, поддерживаемой некоторыми западными странами вкупе с «пятой колонной», осевшей на разных уровнях Российской политической элиты. В то время, когда враги России уничтожали нашу страну, ввергнув ее народы в братоубийственную войну, судьба (Бог) забросила меня в соседнюю Грузию, где я стал невольным свидетелем того, как с ее территории велась работа по уничтожению Российского государства.

В ноябре 1999 года самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия

(сокращенно – ЧРИ)[1] стояла на пороге новой войны с Россией. По сути, это была гражданская война, развязанная идеологами развала Советского Союза, начавшаяся в 1994 году и продолжавшаяся вплоть до отмены контртеррористической операции в 2009 году.

Назревал новый виток военной кампании. За годы правления Дудаева, Яндарбиева и Масхадова, взращенный на идеях свободы и независимости, я, как и большинство сынов чеченского народа, готовился к мобилизации на борьбу с «агрессором», каковым мы считали Российскую Федерацию.

Я стоял перед выбором: «продать корову», как завещал нам Джохар Дудаев, и купить АК-47, тем самым сменив свое перо на более грозное оружие, или же продолжить свою прежнюю деятельность, но уже за пределами Чечни. Надо сказать, что второе мне было больше по нраву, так как к началу 1999 года я уже понимал всю утопичность поставленной перед нами цели и неспособность наших руководителей даже на пядь приблизиться к этой цели. Но уйти, бросив все и всех: своих родных, друзей и свою родину, я не мог. Не покладая рук, днями и ночами, я со своими товарищами предпринимал титанические усилия, чтобы не допустить развития событий, которые произошли в августе 1999 года, после вторжения отрядов Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан. Но все было тщетно. На дворе был октябрь 1999 года, я должен был сделать свой выбор. Однако вышло так, что решение пришло само собой, а точнее говоря – за меня все решили наверху.

Экс-президент Чеченской Республики Ичкерия Зелимхан Яндарбиев, с которым мы давно были знакомы, прислал «хабар» (весть), что эта война будет более затяжная, чем предыдущая, а это означало, что следует найти поддержку у соседей и срочно наладить каналы информационной поддержки «чеченского сопротивления», рассчитанные на мировую аудиторию. Сделать это возможно было, только организовав базы в соседних регионах, неподконтрольных России. В общем, следовало немедленно выезжать в Азербайджан или в Грузию.

Согласовав наши дальнейшие действия, и дополнительно заручившись поддержкой Ахмеда Закаева, в те годы бывшего министром по информации и печати ЧРИ, я с группой своих единомышленников стал собираться в дорогу.

Пока мы собирали оборудование и готовились отъезду, в качестве своего представителя мы отправили в Грузию нашего товарища Сурхо Идиева, сына бывшего Министра юстиции ЧРИ Эльзы Шериповой. Получив официальное распоряжение от Ахмеда Закаева об организации в Грузии информационного центра ЧРИ, Идиев в ноябре 1999 года отправился в Грузию, и спустя буквально

---

[1] **Чеченская Республика Ичкерия** – непризнанное государственное образование, существовавшее после распада СССР на части территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Не была признано ни одним государством-членом ООН, однако имело свои представительства в ряде постсоветских государств – Азербайджане, Литве, Эстонии, Грузии, а также в Турции, Катаре и ещё примерно десятке государств. Де-факто ликвидировано российской армией в 2000 году

несколько дней вернулся обратно. По приезду Сурхо доложил, что лично встретился с нашим представителем в Грузии Хизри Алдамовым и договорился с ним о создании информационного бюро при представительстве ЧРИ в Грузии.

Мы считали это большой удачей и были уверены, что едем в братскую республику, где нас примут и поддержат. Сомнений не было, ибо прах первого президента Грузии Звиада Гамсахурдия покоился в городе Грозном, символизируя братские связи двух народов.

В течение нескольких дней мы свозили свое офисное оборудование: компьютеры, видеомагнитофоны для монтажа фильмов, камеры и т. д. к российско-грузинской границе в Аргунском ущелье, чтобы впоследствии со всем этим скарбом переместиться в столицу Грузии город Тбилиси.

И вот здесь, на границе, нас и ждало первое разочарование.

Граница Ичкерии

Несколько ночей под светом луны мы свозили свое оборудование к границе Грузии. Ночью было безопасней, так как днем дорога периодически бомбилась тяжелыми бомбардировщиками. Закончив работу, мы вновь отправили нашего представителя Сурхо Идиева в Тбилиси, а сами стали ждать, пока он приедет с машиной, чтобы забрать нас с нашим немалым багажом.

Наступило утро. К моменту, когда стало совсем светло, на границе уже скопилась большая масса людей: к тем, кто приехал ночью, присоединились другие, выехавшие с первыми лучами солнца. И тут выяснилось, что грузинская сторона не намерена нас так просто пропустить. Беспрепятственно пропускали только чеченцев-кистинцев, жителей Панкисского ущелья Грузии, имеющих гражданство этой страны. Всем прочим следовало находиться на границе «до особого распоряжения», как нам объяснили.

Довольно быстро среди ожидавших нашлись ловкачи, знающие как решить возникшую проблему. Они сумели дозвониться кому-то, и вскоре их уже пропустили на грузинскую территорию. Позже выяснилось, что звонили они Хизри Алдамову, представителю ЧРИ в Грузии. Между тем, мы с товарищами продолжали беззаботно ждать вместе с остальными людьми, скопившимися на границе. Причин для беспокойства у нас не было: мы были уверены, что наш представитель Сурхо Идиев вскоре прибудет из Тбилиси с необходимыми бумагами от Хизри.

День начал клониться к закату, когда к границе стали подвозить раненых в боях за станицу Червленная. Сопровождая раненых, и вероятно с целью разведки обстановки к границе на трех машинах прибыл один из братьев Ахмадовых – Увайс, занимавший тогда пост начальника МШГБ[2] города Урус-Мартан. Его

---

[2] **МШГБ** – Министерство шариатской государственной безопасности – одно из силовых подразделений, созданных в ЧРИ

сопровождали Умар, заместитель эмира чеченского Джамаата[3] и эмир чеченского Джамаата чеченец иорданского происхождения Абду-Рахман. Хорошо зная их по своей журналисткой деятельности, я поинтересовался что происходит и почему они приехали к границе в таком составе, несмотря на опасность в любой момент подвергнуться обстрелу с воздуха. На это мне ответили, что помимо отправки раненых и тех людей, которые будут за ними ухаживать, полевые командиры одновременно встречают очередную партию пикапов фирмы «Митсубиси», которую должны пригнать из Тбилиси. На эти автомобили устанавливались крупнокалиберные пулеметы «Утес» или «ДШК» для отражения воздушных нападений. Как мне пояснили, ожидавшаяся партия автомобилей была последней: 12 из 15 уже прибыли. Закупщиком за границей этих автомобилей был некий «Абдула Австрийский», бывший криминальный авторитет, некогда контролировавший обширные территории в Москве и Санкт-Петербурге, а после присоединившийся к Шамилю Басаеву и ставший его генеральным представителем за рубежом.

Между тем, грузинские пограничники не спешили пропускать прибывших раненых и сопровождавших их гражданских лиц. Они ссылались на распоряжение президента Чеченской Республики Ичкерия Аслана Масхадова, заключившего с грузинскими властями договоренность о беспрепятственном пропуске через границу только лиц, имеющих письменное разрешение, подписанное им самим.

На угрозу чеченских полевых командиров применить силу, грузинская сторона продемонстрировала этот документ, а также подтянула к границе дополнительные военные подразделения. Ситуация накалялась, полевые командиры и прибывшие с ними боевики активно переговаривались по рации, пытаясь найти кого-то в Грозном, кто мог бы оперативно привезти письменное распоряжение от Аслана Масхадова. В конце концов, ближе к вечеру, такой документ был доставлен, и грузины неохотно, но все же открыли границу для раненых. Остальные беженцы так и продолжали оставаться на границе, пока из Тбилиси не прибыл один из сотрудников представительства ЧРИ в Грузии, оказавшийся родственником Вахи Арсанова[4]. Он, подняв шум, заставил пограничников пропускать беженцев, и тут же, сажая их на прибывшие с ним автомобили, отправлял в Тбилиси. Так я в конце концов и оказался в столице грузинского государства.

Позднее от генерала разведки Ливана К. я узнал, что в тот день срочно был созван Совет безопасности Грузии. Обсуждался один вопрос: «принимать или не

---

[3] **Джамаат** (по-арабски - общество, коллектив, община) – объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п. В 1990-е годы на территории Чечни, а затем на территории всего Северного Кавказа и Поволжья «джамаатами» стали называть исламистские территориально-этнические объединения (группы, отряды), создававшиеся для ведения подпольной вооружённой террористической деятельности

[4] **Арсанов Ваха** – один из высокопоставленных руководителей Чеченской Республики Ичкерия, при Аслане Масхадове занимал пост вице-президента ЧРИ

принимать чеченских беженцев». Все высказались против пропуска беженцев на территорию Грузии, кроме Эдуарда Шеварднадзе, который якобы сказал: «Империи приходят и уходят, а чеченцы останутся нашими соседями навсегда».

В последующие годы много говорилось о том, что грузинские власти добровольно приняли чеченских беженцев из сострадания к ним, а красивые слова Шеварднадзе многократно цитировались в самых разных источниках. На самом же деле это решение было вынужденным, поскольку грузинское руководство осознавало безысходность ситуации: чеченцы все равно бы вошли в Грузию, и противостоять этому у Тбилиси не было никаких сил. Ярким свидетельством этому стал переход российско-грузинской границы отрядами Руслана (Хамзата) Гелаева и Абдул-Малика Межидова в 2001 году.

Тбилиси. Представительство ЧРИ в Грузии

Как и было договорено заранее, сразу же по приезду в Тбилиси мы встретились с Хизри Алдамовым, который любезно предоставил в наше пользование кабинеты в здании, где располагалось Представительство ЧРИ в Грузии. Здание было предоставлено Алдамову его влиятельным другом Анзором Бурджанадзе, чья дочь Нино в дальнейшем будет играть заметную роль в политической жизни Грузии.

В небольшой комнате мы расположили свои компьютеры и видеотехнику и стали активно осуществлять свою информационную деятельность, повествуя миру о событиях, происходивших в Грозном и Чеченской Республике в целом. Жили мы прямо тут же, в соседней комнате. Информацию о происходящем в Чечне мы узнавали напрямую от наших корреспондентов, остававшихся в республике. по телефону, а также от беженцев, продолжавших прибывать в Грузию. Это были как устные рассказы о боевых действиях, так и видеозаписи, снятые корреспондентами чеченского телевидения, частными лицами, а также нашими собственными корреспондентами, работающими в Грозном.

Мы начали работу как информационное агентство при представительстве ЧРИ в Грузии, получившее название «Нохчи», под таким же названием был зарегистрирован и наш интернет-сайт. Нужно отметить, что мы сразу договорились с Хизри Алдамовым, что будем работать только под его руководством и станем сами определять стратегию и тактику подачи информации. Однако, не проработав и месяца, мы решили уйти из представительства и зарегистрировать свое независимое информационное агентство. Главной причиной такого решения стало то, что из Грозного нам стали присылать разного рода руководителей, которые пытались управлять нашей работой при представительстве. После приезда нескольких таких «начальников», мы решили уйти, предварительно договорившись о координации работы с представительством ЧРИ в Грузии. Хизри Алдамов согласился с таким решением.

За время работы в ведомстве Алдамова мы стали свидетелями того, как через представительство ЧРИ в Грузии прошли сотни беженцев, часть которых оседала в Тбилиси, другие при поддержке сотрудников представительства уезжали дальше. Сегодня я с уверенностью могу заявить, что миновав представительство ЧРИ в Грузии, попасть из этой страны в третью страну было практически невозможно. В тот период единственным авторитетным лицом из чеченцев в Грузии был Хизри Алдамов. Без его «визы» ни одного чеченца в Грузию не впускали и не выпускали. Именно через представительство прошли не только рядовые чеченцы, но и лица, занимавшие официальные посты в ЧРИ: Мовлади Удугов, Ислам Халимов, братья Ахмадовы и т.д. Даже прибывавшие из-за границы добровольцы арабского происхождения попадали под крышу Хизри Алдамова, так как в тот период только он имел право выдавать документ, позволявший чеченцам легально находиться на территории Грузии. Это происходило не по прихоти Алдамова, а в соответствии со статусом представительства ЧРИ, которое функционировало согласно договоренности между Чеченской Республикой Ичкерия и грузинским государством.

Представитель ЧРИ в Грузии Хизри Алдамов

Я еще раз хочу подчеркнуть, что ни один чеченский беженец или член НВФ (незаконных вооруженных формирований) не находился на территории Грузии без ведома властей этой страны.

Ко времени нашего прибытия в Грузию, там уже находились официальные представители всех наших полевых командиров, как правило, из числа их родственников и членов их семей. Так, интересы Шамиля Басаева в Грузии представляли один из его подручных по кличке «Монгол» и несколько его родственников; наряду с ними на территории страны действовали родственники и представители Вахи Арсанова, а также представители Джамаата Чечни, в том числе брат Рамзана Ахмадова - Имран. Все они к тому времени уже имели свои базы в Панкисском ущелье и при поддержке силовых структур Грузии активно занимались приобретением и переброской в Чечню оружия, медикаментов, одежды и денежных средств. Там же находились и представители эмира Хаттаба: Сейф Ислам, Абу Саид по кличке «Марокко», Абдул-Къадер по кличке «Француз».

В том же Панкисском ущелье, но чуть позже – в 2001 году, появились отряды Руслана Гелаева и Абдул-Малика Межидова; там же находилось гнездо главного спонсора «моджахедов» Абу Хузейфа, который являлся представителем имама моджахедов Чечни Абу Умара и через которого осуществлялось финансирование всех чеченских боевиков, как находящихся в Грузии, так и действовавших в Чеченской Республике.

Достоверно известно, что на территорию Грузии Абу-Хузейфа прибыл из Баку, и силовые структуры грузинского государства оказали ему в этом самое широкое содействие. Позднее такую же помощь со стороны силовых структур Грузии получил и Амжет (Абу Хавс), один из эмиров Хаттаба, развернувший во всех селах Панкисского ущелья свои базы, на которых активно велась работа по подготовке и переброске в Чечню боевиков-добровольцев из Турции, Европы, арабских стран.

Кавказское Информационное Бюро «КИБЕ»

После мирного «развода» с представительством ЧРИ в Грузии мы сняли офис в центре Тбилиси по улице Зандукели. Наш офис располагался на втором этаже обычного жилого дома, в ста метрах от единственного в то время в Тбилиси кафе «Макдональдс». Квартира принадлежала одной пожилой еврейке, которая любезно нам ее сдала, а сама уехала в Израиль. Как выяснилось позже, полюбовно заключенный между нами и этой женщиной договор можно было считать большой редкостью и скорее исключением из правил: грузины крайне неохотно сдавали квартиры чеченцам, предпочитая иметь дело с армянами и азербайджанцами.

Перебазировавшись в центр Тбилиси, мы сразу же почувствовали, что значит находиться не под крышей Представительства ЧРИ: практически ежедневно нас стали навещать работники силовых структур Грузии. На первых порах интерес к нам проявляла полиция, а потом за нас взялись сотрудники МГБ[5] Грузии, начавшие всеми доступными средствами искать к нам так называемые «подходы».

Не раз нас забирали в районное отделение полиции, якобы для проверки и регистрации. Никто и не думал обращать внимание на то, что большинство из нас были больны гриппом в тяжелой форме. Целыми днями нас, больных, держали во дворе продуваемого всеми ветрами полицейского участка. Впрочем, и в помещениях, куда нам под конец разрешалось зайти, было немногим теплее: к тому моменту столица Грузии уже почти десятилетие не видела никакого отопления. Впрочем, такое, мягко говоря, «недружелюбное» отношение к нам со стороны властей, было не самым удручающим фактором. Гораздо обиднее в этих «наездах» полиции было то, что одним из самых активных наших недоброжелателей был служивший в рядах блюстителей порядка сын первого президента Грузии Звиада Гамсахурдия…

По всей видимости, эти часы холода и унижения, по мнению грузинских спецслужб, должны были стать своеобразной прелюдией к «предложению, от которого невозможно отказаться». И действительно, вскоре после очередного такого визита в полицейское отделение в нашем офисе появился работник Дидубе-Чебуретского отделения МГБ Грузии некий Эмзар (царствие ему

---

[5] **МГБ** – Министерство государственной безопасности

небесное: через несколько лет он погиб при взрыве почтовой посылки), сообщивший, что нас на беседу вызывает глава Тбилисского отделения МГБ Гоги Мачавариани.

Поводом для вызова послужила наша активная информационная деятельность, начавшая создавать грузинским властям определенные проблемы. Известный российский журналист Михаил Леонтьев «наехал» на Грузию в связи с выходом нашей газеты «Чеченская Правда», и этот инцидент не на шутку встревожил грузинское руководство. Нас вызвали для беседы о необходимости закрытия этой газеты или ее переименования. Истинной же целью этой встречи была попытка убедить нас в необходимости сотрудничать на благо обоих государств: Грузии и Чеченской Республики Ичкерия.

Городское отделение МГБ находилось вблизи Тбилисского железнодорожного вокзала. И само здание, и расположенные внутри кабинеты находились в таком же плачевном состоянии, как и вся Грузия: это было нечто среднее между Москвой после ухода войск Наполеона в 1812 году и блокадным Ленинградом.

Батоно Гоги сидел в теплой куртке в стиле «а-ля братва»: короткая кожаная куртка с твердой грубой поверхностью турецкого производства. По этим курткам в Грузии безошибочно можно было определить работника силовых структур. После обоюдного приветствия, Мачавариани стал делать попытки моей вербовки. Я не стал долго его слушать и сразу же оборвал в грубой форме: «Для нашего народа всегда было последним делом работать на спецслужбы, в отличие от грузин, которые, как мне кажется, спят и видят себя новыми бериями и сталиными, – заявил я. – Это ваше право, но со мной такой разговор не получится, и я воспринимаю такую попытку как личное оскорбление».

Надо отдать должное Мачавариани – он побагровел после моих слов, но не стал грубить или предпринимать каких либо силовых действий для моей вербовки, хотя, наверное, имел такую возможность.

А я, немного помолчав, добавил: «Я понимаю, что мы гости в Грузии. Я не буду предпринимать шагов, которые могут способствовать обострению ваших отношений с Россией. Но это не значит, что я буду докладывать вам о каждом нашем шаге, как вы этого хотите! Хотя и скрывать ничего не собираюсь. Если уж вы так хотите, что бы мы сотрудничали – договор между нами может быть лишь один: вы нам помогаете в работе по освещению войны в Чечне, а мы вам помогаем по абхазской проблеме».

После этого разговора я, как и обещал, переименовал нашу газету «Чеченская Правда», дав ей не менее броское название «Война и мир». Самого Гоги Мачивариани я больше не видел, но, вероятно, содержание нашего с ним разговора было передано по инстанции, поскольку однажды к нам в офис на «Зандукели-стрит» пришел некто Заза Цурцумия, представившийся сотрудником пресс-центра «правительства Абхазии в изгнании». Мы уже знали о существовании этой структуры, которую в то время возглавлял ныне покойный

Тамаз Надериишвили, их представительство находилось в метрах трехсот от нашего офиса по улице Руставели, рядом с Главпочтамтом.

За чашкой чая мы поговорили о том, что происходит в Чеченской Республике, обсудили проблему Абхазии, коснулись вопроса о желании абхазских беженцев вернуться на родину. Завершая первое знакомство, договорились встретиться еще раз, но уже в более широком составе.

Следующая встреча состоялась уже с участием директора департамента молодежи правительства Абхазии в Грузии Мамуки Майсурадзе, который к тому же оказался бывшим бойцом грузинского ополчения. В итоге, мы договорились с «правительством Абхазии в изгнании» о сотрудничестве и взаимной поддержке. Официальным документом, скрепившим наше партнерство, стал подписанный обеими сторонами «протокол о намерениях», в котором мы договаривались о совместном решении общих насущных проблем.

Для дальнейшей совместной деятельности мы договорились зарегистрировать в Грузии Ассоциацию по реабилитации жертв военных конфликтов на Кавказе «Миллениум» и Кавказское Информационное Бюро «КИБЕ», одними из учредителей которого выступили Заза Цурцумия и Мамука Майсурадзе. Также нашими усилиями была разработана программа, согласно которой в рамках народной дипломатии предусматривалась периодическая организация встреч всех участников конфликта и лиц, так или иначе способных повлиять на ситуацию в Абхазии и помочь в решении наиболее острых проблем.

Руководители «КИБЕ» на встрече в Черкесском комитете Турции (слева направо): Заза Цурцумия, Мамука Майсурадзе и я

Для осуществления этого плана мне как руководителю группы чеченских журналистов и общественных деятелей были необходимы проездные документы. Правительство Абхазии в изгнании взялось оказать помощь в данном вопросе, что меня не особенно удивило. Еще с самых первых встреч я начал отчетливо понимать, что правительство Тамаза Надериишвили имело более чем тесные связи с грузинскими спецслужбами. Достаточно было хотя бы того, что уже упоминавшийся мной генерал Ливан К., возглавлявший подразделение МГБ при правительстве Абхазии в изгнании, являлся одновременно еще и заместителем начальника Департамента внешней разведки Грузии. Так или иначе, но в самом скором времени по прямому указанию президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе мне было предоставлено грузинское гражданство и выданы все необходимые документы.

В последующие полтора года, с января 2000 и вплоть до августа 2001 года, мы активно работали по абхазской проблематике, используя наши связи в чеченском руководстве, привлекая диаспоры в Турции и других странах. Нам

удалось добиться поддержки со стороны Сейд-Селима Абумуслимова, являвшегося спецпредставителем Аслана Масхадова в восточных странах и начавшего на международном уровне лоббировать грузинские взгляды на абхазскую проблему. После целой серии встреч и дискуссий получилось склонить на нашу сторону и черкесско-абхазскую диаспору в Турции, лидеры которой согласились с нашей позицией по Абхазии.

Соответствующие встречи проходили и на российской территории. Так, в Нальчике мы провели встречу с Ибрагимом Ягановым, одним из лидеров «Адыгэ Хасэ» – организации, защищающей интересы адыгского народа. К его мнению в Абхазии прислушивались, поскольку именно Яганов стоял во главе кабардинских добровольцев, пришедших некогда на помощь воюющей республике.

Удостоверение гражданина Грузии (так называемый «внутренний» паспорт), выданное мне по указанию Э.Шеварднадзе в 2000 году

И, конечно же, самыми частыми гостями на организованных нами встречах были высокопоставленные руководители правительства Абхазии в изгнании, прежде всего Тамаз Надериишвили, возглавлявший эту структуру, и Вахтанг Калбая, занимавший в ту пору пост вице-спикера грузинского парламента. Одновременно нами проводились еженедельные пресс-конференции по проблеме чеченских беженцев в Тбилиси, организовывались совместные акции по раздаче абхазским и чеченским беженцам гуманитарной помощи, которая поступала на наше имя из Турции и Европы.

В общем, наша совместная работа велась в полном соответствии с заключенными соглашениями и теми обещаниями, которые я дал представителям грузинских властей. Возможно, наша деятельность и дальше носила бы плановый характер, если бы в Панкисское ущелье не прибыли подразделения Руслана (Хамзата) Гелаева и Абдул-Малика Межидова.

Появление отрядов Гелаева и Абдул-Малика Межидова в Грузии

Как-то осенью 2000 года ко мне в офис ворвался Заза Цурцумия и сообщил о резком обострении обстановки в Панкисском ущелье: туда начали стягиваться

грузинские войска. Он был искренне удивлен тому, что я об этом не знал.

– В Панкиси пробились около 700 боевиков во главе с Гелаевым Хамзатом, – выдал информацию Заза. – Зная, что Гелаев воевал в Абхазии на стороне России, мы теперь боимся провокации. Мы думаем, что это организовано Россией, для того, чтобы военный конфликт перекинулся на Грузию, – заявил он.

– Нет, для того что бы перекинуть конфликт на Грузию, России не нужно организовывать прорыв Гелаева, – заверил я Зазу. – Наоборот, Россия не заинтересована в расширении военных действий и вовлечении туда грузин, так как в этом случае из соседней Турции потоком хлынут добровольцы.

И добавил:

– А ситуацию с Гелаевым мы можем быстро утрясти...

Заза очень этому удивился и обрадовался.

– А как это возможно? – спросил Заза.

– Да очень просто: я поеду и объясню Гелаеву все, что вам нужно.

– Ты можешь до него добраться? – еще больше удивился Заза.

– Конечно, я ведь журналист. Я и раньше по работе с ним встречался, он меня хорошо знает, – спокойно ответил я.

Цурцумия доложил о нашей беседе своему руководству. В результате была достигнута договоренность о том, что грузинская сторона не станет предпринимать никаких силовых действий, пока я не поеду и не встречусь с Гелаевым.

Отряд Р.Гелаева в Панкисском ущелье

Перед этой поездкой и состоялась моя первая встреча с одним из заместителей начальника Департамента внешней разведки Грузии Автандила Иоселиани – Ливаном К., который по совместительству возглавлял и МГБ правительства Абхазии в изгнании. Он обрисовал мне сложившееся положение и объяснил причины беспокойства грузинского руководства, попросив при встрече передать эту информацию Гелаеву. Таким образом, я оказался втянут уже в более масштабную игру, нежели «народная дипломатия», войдя в непосредственный контакт с высшим звеном грузинских спецслужб.

Встреча с Гелаевым в селении Омало

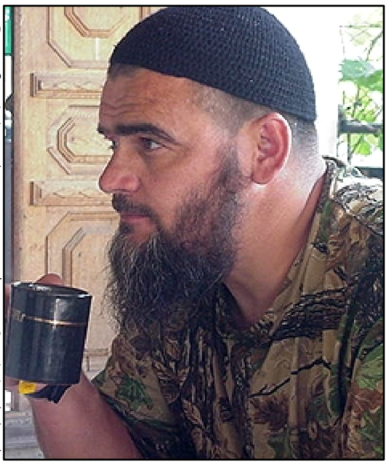
До этой поездки мне уже довелось бывать в Панкисском ущелье, куда я несколько раз наведывался, распространяя свои газеты и привозя гуманитарную помощь. В этот приезд я обнаружил здесь большое оживление. Повсюду сновали вооруженные люди, по дорогам то и дело проезжали «Уазики», набитые людьми в

военной форме и с оружием наперевес. Добравшись до селения Дуиси, я прямиком направился к Абдул-Малику Межидову, который жил на одной из улиц вблизи реки Алазань.

В импровизированной приемной была целая вереница посетителей, и мне пришлось прождать около получаса, прежде чем я наконец-то смог встретился с Абдул-Маликом. Бывший эмир Шариатской гвардии ЧРИ сейчас занимал должность заместителя Гелаева, с которым они объединились после выхода из Грозного зимой 2000 года. Находясь в одном лагере, спрятанном где-то в горно-лесистой местности на границе Ингушетии и Чечни, два этих полевых командира приняли совместное решение перебраться в Грузию для зимовки.

Союз Гелаева и Межидова был удивительным альянсом, ибо во времена масхадовского правления в Чеченской Республике-Ичкерия они недолюбливали друг друга. Гелаев и его сторонники откровенно не жаловали Масхадова и всех тех, кто его поддерживал. А Абдул-Малик Межидов со своей Шариатской гвардией обеспечивал охрану шариатских судов и вдобавок руководил Департаментом исполнения наказаний, являвшимся одной из опор масхадовской власти. Во время Первой чеченской военной компании, в 1994-1996 годах, Абдул-Малик был военным командиром городского Джамаата и заместителем Эмира Хаттаба. По своей журналисткой деятельности мне не раз приходилось встречаться с ним, и поэтому я не нуждался в представлениях «ко двору».

Обменявшись приветствиями, я изложил Абдул-Малику цель своего визита. Рассказал об обеспокоенности Тбилиси в связи с их с Гелаевым появлением в Панкисском ущелье. Я даже не пытался скрывать, что направлен к ним с особым поручением: внести ясность в планы их пребывания и уточнить условия, на которых они готовы покинуть территорию Грузии.



Абдул-Малик Межидов

После разговора с Абдул-Маликом, мы с ним на его джипе «Ниссан-Патрол» белого цвета отправились в селение Омало, расположенное на другом берегу реки Алазань, к Руслану (Хамзату) Гелаеву. Беседа с ним была более продолжительной. Я вкратце описал то положение, в котором чеченцы находились в Грузии. Рассказал о том, что власти страны всячески оказывают поддержку чеченским представителям и беженцам, что здесь официально лечатся наши раненые, о найденных нами точках взаимодействия и взаимной поддержки. Поведал полевым командирам я и о нашей совместной работе с правительством Надериишвили, о налаживании диалога с абхазскими диаспорами, проживающими в других странах мира.

Руслан (Хамзат) Гелаев

Завершая свою речь, я объяснил Гелаеву и

Межидову, что их появление на территории Грузии резко изменило ситуацию и может свести на нет только-только установившееся взаимопонимание между нами и грузинами. Именно поэтому, пояснил я им, меня и прислали из Тбилиси с поручением «разрядить обстановку».

Гелаев к сложившейся ситуации отнесся с пониманием. Он тут же написал письмо президенту Грузии Эдуарду Шеварднадзе, в котором пояснил, что прибыл в их страну с добрыми намерениями и не собирается препятствовать работе силовых структур Грузии по наведению конституционного порядка в Панкисском ущелье.

В этом же письме Гелаев заверил грузинского президента, что при необходимости поможет Грузии в поимке преступников, скрывающихся в Панкисском ущелье и занимающихся похищениями людей. Более того, он заявил о своей готовности всеми силами содействовать решению грузино-абхазского конфликта вплоть до прямого участия в боевых действиях, поскольку, по мнению Гелаева, «абхазы не оправдали того доверия и тех надежд, которые чеченцы возлагали на абхазов, идя добровольцами в Абхазию во время грузино-абхазского конфликта в 1993 году».

Далее в тексте документа указывалось, что Руслан (Хамзат) Гелаев как главный эмир чеченских «моджахедов», находящихся в Грузии, уполномочивает меня вести политическую работу от своего лица в этом направлении и полностью одобряет те шаги, которые мы к тому времени уже предприняли в рамках налаживания диалога между абхазами и грузинами.

Проработав в Грузии больше года, я уже многое знал о межведомственной борьбе, происходящей среди силовых структур Грузии, равно как и о вынашивании частью силовиков планов по свержению Шеварднадзе. Понимая, насколько важный документ предстоит мне доставить в Тбилиси, я заранее попросил Гелаева подписать его в нескольких экземплярах. По возращению в столицу один экземпляр я передал, как и планировалось, ведомству Автандила Иоселиани, второй – Надериишвили, третью копию письма – Вахтангу Колбая.

Спустя день режим чрезвычайного положения вокруг Панкисского ущелья был отменен.

Несмотря на то, что эта моя поездка принесла очевидный успех, позволив избежать назревавшего обострения обстановки, лично мне она не принесла никакой пользы. Скорее наоборот: успешно выполнив свою посредническую миссию, я оказался безвозвратно втянут в «тайные операции», совместно планировавшиеся и проводившиеся грузинскими силовиками и чеченскими боевиками.

У меня появились новые задачи: встречать и сопровождать в Панкисское ущелье журналистов, которые проявляли интерес к разворачивавшимся там событиям, а также эмиссаров различных гуманитарных организаций, помогавших беженцам. По правде сказать, они помогали не столько беженцам, сколько чеченским боевикам, которым в больших количествах требовались продукты

питания, медикаменты, теплая одежда.

Часто по просьбе Межидова или Гелаева мне приходилось встречать и провожать добровольцев, стекавшихся в Панкисское ущелье со всех концов света. Все это, естественно, делалось с ведома властей Грузии, которые вскоре после моего визита к Гелаеву организовали тайную встречу с ним. Имен и должностей участников той встречи я не знаю, но доподлинно известно, что в этих переговорах приняли участие представители всего силового блока Грузии: министерства обороны, МГБ, МВД, пограничных войск.

Отказаться от выполнения порученных мне задач в той обстановке было бы подобно подписанию себе и своим близким смертного приговора. Тем более, что мне все чаще стали передавать, что некоторые из боевиков давно «точат на меня зубы» и призывают расправиться со мной как с человеком, который уже слишком много знает. В их глазах я выглядел ненадежным элементом, который уже однажды бежал с «поля боя». Одного этого с избытком хватало для реальных опасений за свою жизнь…

«Абхазский рейд» Гелаева

Между тем, сотрудничество грузинских властей и чеченских командиров, базировавшихся в Панкисском ущелье, набирало обороты. В ходе одной из очередных наших встреч с Тамазом Надериишвили, он поинтересовался: не согласятся ли чеченцы организовать партизанскую войну в Абхазии? Со своей стороны, он обещал оказать им всяческую поддержку, включая документы, оружие и деньги. При этом Надериишвили выдвинул всего лишь одно, но обязательное условие: все должно выглядеть так, будто это грузинские беженцы из Абхазии ведут войну. Я пообещал, что передам его предложение командирам, находящимся в Панкисском ущелье.

Оказавшись в очередной раз в Панкиси, я передал наш разговор Абдул-Малику, который ответил довольно категорично: «Я не буду выступать против абхазов. Мы переждем время и, набравшись сил, вернемся в Чечню. Второй раз на абхазскую авантюру мы не пойдем».

Он также добавил, что не доверяет грузинам, так как они двурушничают, и посоветовал мне быть осторожным с ними. Видя мое недоумение, Межидов пояснил, что есть вещи, которые по своей наивности и молодости я не понимаю; что те, кто меня посылает с поручениями к нему, могут подставить меня в любой момент. Зная об осторожности и подозрительности Абдул-Малика, я не воспринял тогда это предупреждение всерьез. Дальнейшие события показали что зря.

Теперь, задним умом, я понимаю, что надо было прислушаться. Ведь у Абдул-Малика Межидова к тому времени уже имелся большой опыт общения с грузинскими «спецами»: в свое время, в 1998 году,

Амжет (Абу Хавс)

именно он со своими подручными устроил покушение на Эдуарда Шеварднадзе. Ответственность за эту акцию взял тогда на себя Салман Радуев, хотя единственный его представитель в составе «диверсионной группы» только отвечал за связь с грузинскими спецслужбами. Остальные же члены группы были участниками «Грозненского Джамаата», напрямую подчинявшегося Абдул-Малику Межидову. И у Абдул-Малика навсегда остались причины не доверять грузинским силовикам – тогда, в девяносто восьмом, их просто «подставили»: погибший при попытке покушения чеченец Мустафа был убит грузинами выстрелом в спину, а грузинского президента и вовсе не оказалось в машине… Да, надо было прислушаться…

Но я не прислушался. Не добившись результата от Межидова и Гелаева, я отправился с предложением Надериишвили к арабам, которые пытались вести самостоятельную игру, хотя формально и подчинялись чеченским командирам. Амжет (Абу Хавс)[6], которому я передал замысел Надериишвили, согласился на данное предложение, выдвинув в ответ свое условие: предоставление ему и его людям полной свободы передвижения по Грузии.

Вернувшись в Тбилиси, я передал ответ «чеченской стороны» Тамазу Надериишвили, буквально засиявшему от радости. Он пообещал встретиться со мной после того, как все доложит Э.Шеварднадзе. Однако время шло, а сведений о результатах этого доклада все не было. Не дождавшись ответа, я связался с Зазой Цурцумия. Заза долго мялся, но потом выдавил из себя: «В верхах есть мнение, что если Абхазия к нам вернется с помощью чеченцев, то она нам не нужна».

– Ну так передай тогда туда, «наверх», что если она вам не нужна, то нам она тем более не нужна, – в сердцах выпалил я в ответ.

Однако, через какое-то время я понял, что согласия в верхах, о котором я думал, нет и в помине. Каждый чеченский силовик играл или пытался играть в свою игру, а игру самого Шеварднадзе и вовсе невозможно было понять. Про него сказано: «говорит одно, думает другое, а делает третье». Тысячу раз прав был Абдул-Малик, когда предупреждал меня о хитрости грузин. Нужно отдать им должное: они виртуозы многоходовых комбинаций!

Довольно скоро я вновь оказался в Панкисском ущелье у Абдул-Малика Межидова. Каково же было мое изумление, когда мне сообщили, что грузинская сторона предложила чеченским командирам помочь в проведении военной операции в Абхазии.

---

[6] **Абу Хавс (Хафс) аль-Урдани,** он же **Амжет**, настоящее имя – Фарид (Фарис) Юсейф Умейра, родился в Иордании в 1973 году. В 1993 году принимал участие в гражданской войне в Таджикистане. В 1995 году приехал в Чечню, вступил в отряд Хаттаба. После окончания первой чеченской кампании перебрался в Панкисское ущелье Грузии, где организовал несколько лагерей по подготовке боевиков и занимался вопросами финансирования НВФ. В 2002 году вернулся в Чечню для продолжения боевых действий в составе отряда иностранных наемников. Уничтожен в ходе спецоперации в Дагестане 26 ноября 2006 года

Обсуждался вопрос, насколько грузинам можно верить, и каковы гарантии успеха данной операции. Я же был приглашен по другому вопросу: полевых командиров интересовала возможная реакция на эту операцию черкесской диаспоры Турции, с которой у нас сложились хорошие отношения: они были одними из тех, кто поддерживал чеченское сопротивление, помогая добровольцами, деньгами, и необходимым снаряжением.

Я ответил, что черкесская диаспора, куда входят и абхазы, не в восторге от действий официального Сухуми; что они отчасти согласны с мнением, что абхазы предали чеченцев, а значит, предали и общекавказские интересы. Я также рассказал присутствующим, что особых протестов со стороны наших турецких друзей ожидать не следует, поскольку нам уже удалось к тому времени заключить с абхазской диаспорой тайное соглашение: «потомки мухаджиров» обещали участвовать в лоббировании проекта воссоединения Абхазии с Грузией. Лидеры диаспор согласились на это после обращения к ним Зелимхана Яндарбиева, который лично попросил их поддержать данный проект ради чеченцев и будущего всего Кавказа.

– Однако, полностью гарантировать, что они поддержат эту затею, я не могу. В особенности, если пойдут затяжные бои с народным ополчением, – подытожил я.

Внимательно выслушав мои пояснения, «штаб чеченских моджахедов» поручил мне продолжить работу по информационному обеспечению предстоящей операции. Насколько я смог понять, окончательное решение командиры принять тогда были не готовы.

Прошло совсем немного времени, и вот я снова в срочном порядке вызван в департамент Автандила Иоселиани (внешняя разведка). Встретившись с Ливаном К., я понял по выражению его лица, что произошло нечто неординарное.

– Ты в курсе, что Гелаев находится в Абхазии? – безо всяких предисловий спросил меня Ливан.

– Нет, – удивленно ответил я, ибо я действительно был не в курсе.

– Сверху пришло распоряжение: срочно наладить связь с Гелаевым и вернуть их обратно, – приказным тоном заявил Ливан.

– Ну, а я здесь причем?! – вспылил я. – Если они сами договаривались, то пусть сами и отмену дают!

То, что переговоры о совместных действиях в Абхазии между грузинскими властями и Гелаевым велись, для меня, конечно же, новостью не было. А вот тот факт, что они до чего-то все-таки договорились, а я не знал об этом, меня, честно говоря, разозлил. Получается, мне действительно не доверяют!

– Нет, с Шеварднадзе такой договоренности не было, – буркнул в ответ Ливан. – Это Жвания, Барамидзе и Таргамадзе[7] договорились в его отсутствие.

---

[7] **Жвания Зураб** – грузинский государственный и политический деятель, в описываемый период являлся председателем парламента Грузии. В ноябре 2001 года подал в отставку, мотивировав своё решение протестом против политики Э.Шеварднадзе

Я только криво усмехнулся в ответ:

– Не будьте таким наивным, Ливан, ведь вы генерал госбезопасности! Неужели Вы действительно думаете, что Таргамадзе без ведома Шеварднадзе решился бы на такую операцию?

– Чеченцев перебросили в ущелье без ведома Шефа, – продолжал настаивать он, и, похоже, сам был уверен в том, что говорил.

– Это наверно Вам сам Шеф так сказал, зная вашу «любовь» к Таргамадзе? – насмешливо спросил я. И продолжил:

– Просто он, как водится, передумал, или это ему в США подсказали во время его поездки, – предположил я, силясь понять причины столь непоследовательных действий президента Грузии.

– Это не важно, их нужно возвращать, – оборвал мои рассуждения Ливан, не пожелавший обсуждать со мной решения вышестоящего руководства. – Тебе следует срочно выехать в Кодорское ущелье и наладить нам связь.

Конечно, ни в какую Абхазию я не поехал, но сумел выполнить данное мне поручение – связь с отрядом Руслана Гелаева была налажена. Однако вернуть ушедших в боевой поход чеченцев оказалось не так-то просто: Гелаев отказывался бросать начатое дело на полпути. По словам Ливана К., сам Автондил Иоселиани лично вылетал в Кодорское ущелье, чтобы убедить чеченских боевиков отказаться от продолжения рейда.

Так или иначе, но грузинским властям удалось вернуть Гелаева и его бойцов обратно на территорию Грузии. В честь их удачного возвращения в одном из тбилисских ресторанов, рядом с метро «Исани», было организовано застолье, на котором мне и удалось узнать все подробности проведенного похода, так сказать «из первых рук».

По замыслу организаторов операции, чеченцам в качестве авангарда и ударной силы предстояло захватить плацдарм, на котором впоследствии должны были закрепиться подразделения Министерства обороны Грузии.

Упомянутые Ливаном К. высокопоставленные лица действительно принимали в этой операции самое активное участие: переброску в Кодорское ущелье чеченских боевиков осуществляли сотрудники МВД, переговоры с Гелаевым вел один из приближенных Зураба Жвании - Барамидзе. Вместе с чеченцами в операции в Кодорском ущелье принимала участие группа спецназа Министерства обороны Грузии, подчинявшаяся напрямую командующему сухопутными войсками Кобе Кобаладзе. Не последнюю роль в подготовке и проведении операции играл и полномочный представитель грузинского правительства в Кодорском ущелье Эмзар Квициани.

Такое, на первый взгляд, необоснованное расширение круга лиц, осведомленных об этой операции, объяснялось просто: в тот период попасть в

Барамидзе Георгий – в тот период занимал должность председателя парламентского комитета Грузии по обороне и безопасности

Таргамадзе Каха – в 2001 году – министр внутренних дел Грузии

Кодорское ущелье без помощи официальных силовых структур Грузии было попросту невозможно. Даже для того, чтобы попасть в Западную Грузию, в город Зугдиди, нужно было миновать два поста российских миротворцев, и только затем подняться по ущелью в Сванетию. Никаких других окольных путей там просто не существует. Просочиться через миротворческие посты группе вооруженных людей, не имеющих официального статуса, просто так не удалось бы. Пропускались только официальные колонны силовых структур, имеющие необходимые документы. Вот чеченцев и провезли на машинах с грузинскими военными номерами под видом спецподразделения, направляющегося в Сванетию. Точно так же, на машинах МВД и Министерства обороны Грузии, их и вернули потом обратно, на грузинскую территорию.

Оружие и боеприпасы, в том числе и ПЗРК «Стрела» (переносной зенитно-ракетный комплекс), из которого чеченцы сбили вертолет ООН в Кодорском ущелье, были предоставлены Гелаеву грузинской стороной[8]. Вооружение было переброшено к ожидавшим его в ущелье боевикам старым испытанным способом – гражданским вертолетом[9].

В операции участвовали около 500 человек из числа чеченцев, арабов, турков и других членов НВФ. Передовому отряду удалось дойти почти до фуникулера на подступах к Сухуми, однако поддержки со стороны грузинской армии они так и не дождались. Проведя несколько боестолкновений, и наведя переполох в Абхазии, Гелаев вернулся в Грузию.

Как я и предполагал в беседе с генералом, Шеварднадзе был в курсе операции, и она проходила с его одобрения. Однако, во время его визита в США, представители американской администрации предупредили его о возможных негативных последствиях такого шага, после чего он отменил операцию.

Впоследствии я стал догадываться, почему Шеварднадзе вдруг поменял свое решение. Дело в том, что сведения о планировавшемся рейде чеченцев в Абхазию просочились задолго до того, как началась эта операция. Приблизительно за месяц до моего разговора с Ливаном К. пошли упорные слухи, что чеченцы во главе с Гелаевым уже переброшены в Кодорское ущелье. По этому поводу в Чеченско-Кавказском Комитете Грузии, которым я руководил, состоялось

---

8 Кстати, не только этот вертолет, но и все российские летательные аппараты, подбитые в начале войны в Чечне, сбивались при помощи ПЗРК, купленных в Грузии. Еще до начала боевых действий в Чеченской Республике по личному указанию и договоренности вице-президента ЧРИ Вахи Арсанова (дяди Арби Бараева) в Грузии были приобретены полторы тысячи таких комплексов

9 Переброска ПЗРК, как и других видов вооружения, из Грузии в Чечню успешно осуществлялась через Аргунское ущелье, пока этот канал не был блокирован российским десантом. Когда «Аргунский коридор» оказался закрыт, для переброски больших партий оружия начал использоваться вертолет грузинской гражданской авиации. Именно таким же, неоднократно опробованным способом грузинские спецслужбы и перебросили оружие и боеприпасы чеченцам в Кодорское ущелье

совещание, в котором вместе со мной участвовали мой заместитель, председатель «Народного фронта Грузии» Нодар Ревазович Натадзе, а так же второй мой заместитель Светлана Кадахашвили (Джергения). Проанализировав все последствия возможного похода в Абхазию, Светлана составила письмо Збигневу Бжезинскому, с которым наш комитет уже успел наладить хорошие связи. Я был против каких-либо контактов с Бжезинским, но Светлана Кадахашвили буквально боготворила этого человека, считая его символом борьбы с Россией и советским наследием. В итоге письмо было отправлено двум адресатам. Первый экземпляр, по настоянию Светланы, улетел в Вашингтон, округ Колумбия, Збигневу Бжезинскому; второй был направлен в город Блумингтон, штат Индиана, и адресован входившей в предвыборный штаб кандидата на пост президента США А.Гора Додоне Кизирия, профессору «эмеритус» Индианского университета. Трудно сказать, какое из двух отправленных писем сыграло свою роль, но я почти уверен, что этот наш шаг в немалой степени повлиял на принятое Шеварднадзе решение об отмене операции и отзыве отряда Гелаева.

Впоследствии, в грузинской прессе известный политик Резо Шалишвили характеризовал эту операцию как «провокацию, которая могла вызвать ответную реакцию России, вплоть до нового вторжения и захвата всей Восточной Грузии». Вероятно, именно так и воспринимали эту затею те, кто посоветовал Шеварднадзе «дать отбой».

Возвращение Гелаева обратно в Панкисское ущелье добавило грузинским властям головной боли, так как далее отрицать наличие чеченских боевиков в Грузии было невозможно. По приказу Шеварднадзе в экстренном порядке к Панкисскому ущелью вновь подтянули войска – по замыслу Шеварднадзе, это должно было убедить Россию в готовности Тбилиси к проведению спецоперации против НВФ.

Конечно же, на самом деле никакой операции не намечалось, хотя прежние отношения грузинских властей с Гелаевым и его боевиками, действительно, заметно ухудшились. В Тбилиси очень опасались мести «моджахедов», которых сперва послали в Абхазию, а потом отозвали обратно, не дав завершить начатую операцию. В Панкисском ущелье появились грузинские блокпосты, хотя до этого Гелаев договаривался с властями о том, что блокпосты будут выставлены только на въезде в ущелье, перед селом Дуиси, и на объездной дороге, в Цунабани[10].

Установив за чеченцами усиленное наблюдение, грузинское руководство больше всего боялось, что «подставленного» в ходе рейда на Сухуми Гелаева теперь легко смогут перетянуть на свою сторону те политические силы, которые

---

[10] Кстати, идею о необходимости выставления этих двух блокпостов предложил властям Грузии сам Руслан Гелаев, который таким образом пытался выполнить данные им обещания способствовать наведению порядка в районе своего пребывания. Его логика была проста: наличие при въезде в Панкиси грузинских блокпостов автоматически перекладывало ответственность за появление в ущелье угнанного автотранспорта и похищенных людей на силовые структуры Грузии

все активнее выказывали недовольство действующим президентом и обвиняли Шеварднадзе в упущенной возможности вернуть Абхазию в лоно Грузии. Во время неудавшегося похода грузинский президент смог воочию убедиться в боевых возможностях «моджахедов», которые даже без поддержки регулярных сил смогли продвинуться далеко вглубь абхазской территории. Он все чаще с ужасом думал о том, что будет, если его недоброжелатели, в том числе имеющие вес в силовых структурах, договорятся с Гелаевым о совместном походе на Тбилиси. А ведь такие попытки договориться с чеченцами действительно были...

Звиадисты

Еще в самом начале нашей деятельности на «Зандукели-стрит» к нам в офис заглянули депутаты парламента Грузии из числа так называемых «звиадистов»: руководитель парламентской фракции «21 век» Вахтанг Бочоришвили и его соратник Джамал Гамахария. Узнав об открытии нашего информбюро, они поспешили познакомиться с нами и выразить свое сочувствие в связи с военными действиями в Чечне. По их словам, желание поддержать нас и нашу деятельность было продиктовано бережно хранимой ими памятью о дружбе Джохара Дудаева и Звиада Гамсахурдия.

Впоследствии Вахтанг Бочоришвили и Джамал Гамахария часто оказывали нам поддержку в политических и протестных акциях, направленных против войны в Чеченской Республике, помогали в различных мероприятиях, в том числе и в проведении «Экологического Конгресса», который был проведен нами с участием Ахмеда Закаева в 2000 году[11].

Помимо депутатов парламента, оппозиционно настроенных против действующей власти, мы также общались со многими другими звиадистами, активно принимавшими участие в наших мероприятиях. Особо следует выделить, пожалуй, Манану Гамсахурдия и членов возглавляемой ею организации «Инвалиды Абхазии», а также общественную организацию «Ветераны Абхазии», один из членов которой Гия Цурцумия стал учредителем «Чеченско-Кавказского Комитета Грузии». К сожалению, в дальнейшем он трагически погиб.

Уже тогда к нам начало приходить осознание, что активно начав заниматься политикой, мы фактически вступили в игру «на минном поле». В дальнейшем это чувство с каждым днем только усиливалось. Особенно тогда, когда многие наши друзья и товарищи, активно помогавшие нам в работе, каким-то загадочным образом исчезали или погибали. Как я уже упоминал, погиб учредитель «Чеченско-Кавказского Комитета Грузии» Гия Цурцумия. В 2005 году пропал без вести другой учредитель нашего Комитета Дато Циндалиани, отвечавший за

---

[11] Целью «Экологического Конгресса» было привлечение внимания мировой общественности к проблеме войны в Чечне за счет демонстрации ее пагубного влияния на экологическое состояние Каспийского и Черного морей. Главным организатором Конгресса стал чеченский изобретатель и ученый, руководитель «Партии зеленых» ЧР Рамзан Гойтимиров, который в то время также находился в Грузии и активно нам помогал в работе

работу с молодежью и студентами. Чуть ранее, в 2001 году, был похищен и убит наш друг Антонио Руссо, активно помогавший нам в налаживании связей с Европой и сборе денежных средств. Его изувеченное тело со следами тяжелейших травм нашли по дороге, ведущей в Кахетию, рядом с селением Гомбори.

Вероятно, именно наше сотрудничество с лицами, вовлеченными в оппозиционную деятельность по отношению к действующей власти и активно участвовавшими в протестных акциях против Э.Шеварднадзе, заставило с опаской относиться ко мне моих «покровителей». Уже упоминавшийся представитель ведомства Иоселиани генерал Ливан К. неоднократно предупреждал меня о том, что следует порвать всякую связь со звиадистами, иначе эти контакты могут навлечь на меня беду.

Особенно настойчиво меня пытались предостеречь от общения со Светланой Кадахашвили (Джергения), которая являлась родственницей президента самопровозглашенной Республики Абхазия Владислава Ардзинбы и одновременно племянницей премьер-министра Абхазии Анри Джергения.

И надо сказать, что опасения властей были не беспочвенны. Силы оппозиции не раз пытались использовать нас, чтобы прощупать почву в вопросе о возможности вступления чеченцев в силовую борьбу против Шеварднадзе. Именно звиадисты и стали тем связующим звеном, через которое оппозиция пыталась договориться с чеченскими командирами.

Я не раз передавал поступавшие ко мне подобные предложения Гелаеву и другим командирам, находившимся в Панкисском ущелье, но они эти идеи безоговорочно отвергали. Логика командиров была проста: они считали, что в случае вооруженного вмешательства чеченцев во внутриполитическую борьбу в Грузии, вне зависимости от достигнутых ими результатов грузины станут говорить: «мы приютили чеченцев, а они нас убивали».

– Мы до сих пор видим на себе клеймо от участия в абхазском конфликте, а ведь туда мы тоже шли помогать братьям, – сказал мне как-то Абдул-Малик Межидов.

Надо отдать должное дальновидности полевых командиров: их демонстративный отказ от вмешательства во внутриполитические процессы, происходящие в Грузии, был с пониманием встречен обеими противоборствующими сторонами. Такой аргумент, как нежелание чеченцев проливать кровь приютивших их грузин, оказался понятным и убедительным для наших друзей-звиадистов. В результате, лидеры оппозиции отказались от идеи задействовать «чеченский ресурс» в своей борьбе за власть.

В свою очередь, грузинское руководство, для которого, ясное дело, попытки оппозиции связаться с чеченскими командирами не долго оставались тайной, встретило отказ чеченцев с облегчением и благодарностью. Как-то в доверительной беседе со мной генерал Ливан К. обронил: «Мы прекрасно понимаем, что вам не стоит труда сделать здесь переворот, и ценим вашу позицию».

Впрочем, в Тбилиси прекрасно осознавали, что гарантировать сохранение полевыми командирами объявленного ими нейтралитета власти могут только в одном случае: при полной и безоговорочной поддержке всех операций, проводимых чеченцами против России. И Грузия, хотя и «со скрипом в душе», сполна выплачивала эту цену…

Чеченские боевые группы и их контакты с грузинскими силовиками

Проникновение боевиков из Чечни в Панкисское ущелье Грузии достигло апогея в 1999 году, с началом второй чеченской военной компании. Однако, первые представители НВФ, главным образом из числа чеченцев-кистинцев – коренных жителей Панкиси, появились там значительно ранее, где-то в 1996-1997 годах.

После окончания первой чеченской войны, после подписания Хасавюртовских соглашений, в Чечне официально была установлена Ичкерийская власть. Первым президентом послевоенной Ичкерии стал Зелимхан Яндарбиев, после него – Аслан Масхадов. Однако, если точно описывать этот период чеченской истории, нужно характеризовать его как период абсолютного безвластия. Неоднократные попытки выстраивания некоего подобия государственной власти, отчаянно предпринимавшиеся Масхадовым и другими лидерами и командирами Чечни, были безуспешными. В Чеченской Республике Ичкерия власть принадлежала полевым командирам или, как они сами себя именовали, «бригадным генералам». Каждый из них всеми силами старался усилить свое влияние, которое в немалой степени зависело от численности находящихся под его командованием бойцов.

Активную работу по вовлечению новых сторонников в свои ряды предпринимали многие командиры, но успешней всего в Чечне это удавалось чеченскому Джамаату. Стать членом той или иной боевой группы было довольно просто: нужно было разделять убеждения - «аккиду» салафитов, и дать согласие на вступление в ряды боевых групп. Именно такими группами и были укомплектованы в большинстве своем силовые структуры ЧРИ. Так, Шариатская гвардия ЧРИ, осуществлявшая надзор за исполнением наказания и охрану шариатских судов, была полностью укомплектована бойцами Джамаата. Надо ли говорить, что и сами шариатские суды были полностью подвластны Джамаату ЧРИ.

Несколько боевых подразделений, полностью укомплектованных членами Джамаата (салафитами), действовали и в структуре Министерства обороны Ичкерии. Пожалуй, самым известным из них был разведывательно-диверсионный батальон под командованием Эмира Хаттаба, входивший в состав диверсионно-штурмовой бригады Шамиля Басаева. Представители именно этих двух известных командиров и вели активную работу по привлечению в свои ряды чеченцев-кистинцев, проживающих в Грузии. Справедливости ради нужно сказать, что в деятельности боевых отрядов ЧРИ принимали участие не только

кистинцы, но и другие жители Грузии. Один из них, некто по имени Бакрий, хевсур[12] по происхождению, даже был награжден высшим орденом Ичкерии «Къоман Сий» («Герой нации»).

Таким образом, тесные связи между Чечней и Грузией установились еще до начала второй чеченской войны 1999 года. Особенно они укрепились после того, как в 1998 году Грузию посетил руководитель Чеченской Республики Ичкерия Аслан Масхадов, на официальном уровне принятый президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе. Именно в тот период и были заключены неофициальные соглашения о сотрудничестве и взаимоподдержке двух сторон против России. В частности, именно тогда было налажено сотрудничество Антитеррористического центра Чеченской Республики Ичкерия, которым руководил известный чеченский полевой командир Хункар-Паша Исрапилов, с Антитеррористическим центром Грузии, возглавляемым Ливаном Кенчадзе. В эту же пору определенные договоренности о сотрудничестве группа чеченских руководителей, возглавляемая вице-президентом ЧРИ Вахой Арсановым, заключила с Департаментом разведки Грузии под руководством Автандила Иоселиани и Министерством обороны Грузии, главой которого являлся в этот период Давид Тевзадзе. В результате этих соглашений, к тому моменту, когда началась вторая чеченская кампания, в Грузии наряду с официальным Представительством ЧРИ существовало еще и Военное представительство, через которое осуществлялась закупка и переброска оружия в Чечню.

Я уже говорил, что в Чеченской Республике в тот период существовало «многовластие». Власть в республике реально принадлежала бригадным генералам, которые лишь формально подчинялись Аслану Масхадову. Каждый генерал имел своих советников, свою прессу, свое видение будущего Чечни. И каждый из них задолго до возобновления боевых действий в 1999 году послал своих представителей в Грузию и в другие страны для подготовки баз и снабжения своих подразделений всем необходимым для ведения затяжной войны. Это вызывало серьезные затруднения в работе грузинских госструктур, которые были вынуждены работать одновременно с представителями различных групп чеченских боевиков, соперничавших, а зачастую и находившихся в состоянии открытой вражды друг с другом.

Так, к ноябрю 1999 года одним из первых в Панкисском ущелье организовал базу отряд Урус-Мартановского Джамаата под командованием Ризвана Ахмадова. Его интересы в Грузии представлял родной брат Имран, позднее к нему присоединился и второй брат полевого командира – Увайс Ахмадов. Активное взаимодействие с ними со стороны силовых структур Грузии поддерживал руководитель Ахметского отделения МГБ Давид Лордкипанидзе (родной брат заместителя министра внутренних дел Грузии Георгия Лордкипанидзе). Тесно

---

[12] **Хевсуры –** этнографическая группа грузин, коренное население горной области Хевсурети, расположенной на южных склонах Большого Кавказа в бассейне реки Хевсурской Арагви и в верховьях реки Аргун на северных склонах

сотрудничали с братьями Ахмадовыми и оперативные работники Антитеррористического центра Грузии Ливан и Гия Габуния, и занимавший одну из ответственных должностей в этом центре Серго Дзагнидзе. Был еще некий генерал – представитель министерства обороны, у которого Имран Ахмадов закупал оружие. Имя генерала держалось им в строжайшем секрете.

Впоследствии к этим контактам добавился и Ираклий Аласания, который был сначала руководителем некоего отдела МГБ Грузии, а потом, в 2001 году, возглавил Министерство государственной безопасности этой страны.

Надо отметить, что вышеперечисленные сотрудники силовых структур Грузии, непосредственно контактируя с братьями Ахмадовыми, столь же тесно общались и с другими группами чеченских боевиков в Панкисском ущелье. В частности, в числе тех, с кем грузинскими спецслужбистами было налажено взаимодействие, оказались бандгруппы Абдул-Малика Межидова, Руслана Гелаева, Амжета (Абу Хавса), Гариба, Фарнауза Хангашвили, Юсуфа Крымшамхалова («Карачаевский джамаат»), Шамиля из Гуниба («Аварская группа»). Это наиболее крупные формирования, в состав которых, в свою очередь, входили более малочисленные группы, состоящие из добровольцев всех национальностей: курдов, турок, европейцев, азербайджанцев и т.д.

Панкисское ущелье

Общая численность боевиков в Панкисском ущелье в различные периоды колебалась от полутора до двух тысяч человек, что составляло ровно половину от общего числа официально зарегистрированных чеченских беженцев, находившихся в Грузии. Базы боевиков были разбросаны по разным селам. Командиры с семьями жили в основном в домах в селении Дуиси, здесь же, по соседству, проживали приближенные к ним лица – «наибы». Остальные бойцы располагались в близлежащих селах.

Так, Имран Ахмадов с наиболее доверенными товарищами жил в Дуиси, а основная база Ахмадовых находилась в селении Цунабани, где в двух домах постоянно находилось от 20 до 40 бойцов. Арабы, составлявшие верхушку группы Амжета, также жили в Дуиси, частично в Омоло, а их базы располагались в Омоло, Халацани, Цунабани и насчитывали порядка 5 дворов. В Дуиси же жил Абдул-Малик Межидов, как я уже упоминал, ставший в ту пору заместителем Руслана Гелаева. Несколько отлично от других размещался сам Гелаев, который вместе со своим отрядом компактно разместился в селении Омало.

Как осуществлялось снабжение членов НВФ в Грузии

Снабжение членов чеченских НВФ, находившихся в Грузии, осуществлялось по нескольким направлениям, и ни одно из них не могло бы быть осуществлено без ведома и поддержки грузинских спецслужб. Во-первых, это были денежные средства, которые попадали в Грузию через курьеров, работавших под прикрытием различных гуманитарных организаций. Часть этих денег шла на лечение раненых и больных, часть использовалась на бытовые нужды членов боевых групп и их семей, часть тратилась на закупку оружия и необходимой амуниции.

Снаряжение и оружие закупали здесь же, в Грузии. И то, и другое грузинские силовики сами доставляли в Панкисское ущелье на своем транспорте, По их мнению, это в какой-то мере позволяло контролировать использование оружия, которое, чего очень боялись власти, могло быть в дальнейшем направлено против них самих.

Именно поэтому после ухода Гелаева из Грузии местные власти с поразительной быстротой и точностью стали обнаруживать схроны с оружием: просто места его складирования были хорошо известны заранее. Это приносило тройную выгоду: оружие и боеприпасы возвращались на государственные склады и арсеналы; сотрудники АТЦ получали награды и премии за свои «достижения» на служебном поприще; а Россия лишалась повода для обвинений грузинского руководства в бездеятельности по отношению к террористам.

Немного отвлекаясь от темы повествования, должен отметить, что подобное умение извлекать тройную выгоду из «борьбы с чеченским сопротивлением» освоено было грузинским руководством еще задолго до описываемых событий.

Когда в 1944 году практически весь чеченский народ был выслан в Среднюю Азию и Казахстан, в горах Чечни оставались группы Хучбарова и Исраилова, продолжавшие сопротивление Советской власти. После нескольких бесплодных попыток обезвредить эти отряды Берией и его окружением был придуман грандиозный по своей хитрости и коварству план поимки оставшихся чеченцев. Замысел заключался в следующем: депортации не стали подвергать часть чеченцев-кистинцев, проживавших по южную сторону Кавказского хребта. До сих пор в Грузии бытуют легенды, что их кто-то спас. На самом деле, оставшиеся кистинцы были сохранены потому, что грузины прекрасно знали психологию чеченцев: «чеченец до конца доверяет только чеченцу», а значит, чеченские партизаны в отсутствие своих соплеменников в Чечне обязательно придут в Грузию, к своим кровным братьям. Эта своеобразная «ловля на живца» была довольно успешной: как и следовало ожидать, чеченские партизаны спускались за поддержкой к чеченцам, проживавшим в Грузии. Местные жители, действовавшие под полным контролем НКВД Грузии, потихоньку подкармливали скрывавшихся боевиков и даже снабжали их оружием, тем самым демонстрируя свою поддержку сопротивлению. Время от времени очередных спускавшихся с

гор чеченцев по одному отлавливали и сдавали центральным властям, гордо отчитываясь о проведенных операциях перед руководством страны. Этой тактикой руководители НКВД Грузии убивали сразу даже не двух, а трех зайцев: во-первых, обезопасили себя от набегов чеченских партизан, которые в то время могли бы принести грузи немало бед; во-вторых, НКВД Грузии регулярно выманивал и уничтожал врагов Советской власти, столь же регулярно получая за это награды и повышения по службе. А в-третьих, значительная часть грузинских сотрудников НКВД избегала участия в боевых действиях на фронте, так как была задействована в «активно проводившихся операциях» по поимке чеченских банд, которых они сами и содержали.

Прошло почти 60 лет, и почти та же тактика была применена в конце XX столетия преемниками Берии. Это может показаться фантастикой, но в конце девяностых в рядах грузинских спецслужб еще работали бывшие сотрудники госбезопасности, лично знакомые с участниками тех событий. Одним из них был и наш хороший знакомый Теймураз Хуцишвили, которой многое нам поведал о методах и способах, практиковавшихся в НКВД и НКГБ Грузии. Он лично не был причастен ни к каким тайным операциям с находившимися в Грузии членами чеченских НВФ, и из доброго расположения к нам давал много полезных советов, научив как обезопасить себя от коварства грузинских силовиков.

Возвращаясь к теме своего повествования, хочу отметить, что помощь спецслужб Грузии чеченским боевикам во время второй кампании только лишь поставками оружия и боеприпасов не ограничивалась. Весьма активно грузинские силовики принимали участие и в доставке гуманитарной помощи, поступавшей в больших объемах для нужд чеченских отрядов.

Стоит ли говорить, что до настоящих беженцев эта гуманитарная помощь доходила, прямо скажем, не часто. Немалая часть поступавших гуманитарных грузов попросту продавалась на рынках Грузии, а деньги от реализации частично уходили местным силовикам. Еще одна часть напрямую уходила на обеспечение жизнедеятельности членов НВФ, базировавшихся в Панкисском ущелье, а все остальное переправлялось через Баку в Чеченскую Республику. Очевидно, что эти схемы, мягко говоря, «нецелевого» использования гуманитарных грузов могли быть реализованы (и реализовывались на практике) только при помощи грузинских властей, в том числе при непосредственном участии занимавшего в тот период пост министра по делам беженцев Валерия Вашакидзе.

Одним из инструментов, использовавшимся для получения и переправки боевикам гуманитарной помощи, стала зарегистрированная нами с помощью правительства Абхазии в изгнании Ассоциация реабилитации жертв военных конфликтов на Кавказе «Миллениум». Изначально создававшаяся для помощи беженцам из Абхазии и Чечни, эта организация вскоре после ее регистрации фактически перестала нам подчиняться. Мы продолжали выступать в качестве ее формальных руководителей, в то время как реально ее деятельностью единолично управляли находившиеся в Грузии представители чеченских НВФ. Единственное,

что я мог сделать в той ситуации, так это периодически выбивать часть грузов для распределения среди настоящих беженцев из Чечни и Абхазии.

Однако то, что действительно удалось передать нуждающимся, было лишь каплей в общем потоке гуманитарных грузов, шедших из Турции, США и Германии и попадавшим через «Миллениум» напрямую в руки представителей Межидова, Гелаева или Джамаата.

Помню две огромные фуры с австралийской тушенкой, попавшей в Грузию транзитом через Турцию. Эта партия, стоимость которой составляла более трехсот тысяч долларов США, целиком была передана в Панкисское ущелье и роздана в качестве сухого пайка готовившимся к переброске в Чечню боевикам.

В другой раз известная американская благотворительная организация «Исламик релиф» прислала нашей Ассоциации гуманитарную помощь, стоимость которой оценивалась почти в полмиллиона долларов. Там была абсолютно новая одежда: шубы, кожаные американские куртки, обувь, рубашки, костюмы – в общем, весь набор, вплоть до белых носков и маек. Помимо одежды, американцы прислали «нуждающимся» и продукты: консервы, детское питание, сахар, муку, бобовые… Весь груз был реализован на рынке, а вырученные средства, по словам представителей Джамаата, отправлены в Баку Вахе Ибрагимову по кличке «Афганец», который, в свою очередь, должен был переправить их в Чечню для продолжающих сопротивление бойцов Чеченского Джамаата.

Конечно же, грузинские власти не только знали о настоящих получателях этой гуманитарной помощи, но и оказывали немалое содействие в ее беспрепятственной доставке «адресатам». Но были среди грузов, поставляемых через «Миллениум», и такие, которые реальным беженцам изначально и не предназначались. Это были различного рода средства связи: телефоны спутниковой связи «Инмарсат», стационарные низкочастотные радиостанции и другая современная аппаратура. Пакистанец Али, организовывавший поставку из США этих грузов под видом гуманитарной помощи, на самом деле был гражданином Великобритании и являлся штатным агентом английской разведки МИ-6. А оборудование, которое, как он утверждал, было получено от «Братьев-мусульман»[13], представляло собой сверхсекретную военную радиостанцию последней модификации, доступ к которой даже в США имела только военная разведка. В дальнейшем, с помощью этого оборудования Амжет (Абу Хавс) прямо из Панкисского ущелья связывался как с Чечней – с Хаттабом и Басаевым, так и с Афганистаном. Через нашу Ассоциацию были присланы только некоторые составные части этой радиостанции, саму радиостанцию получали и перевозили особо доверенные лица из числа чеченских НВФ, сопровождаемые сотрудниками службы внешней разведки Грузии.

---

[13] **«Общество братьев-мусульман»**, более известное как **«Братья-мусульмане»** - международное религиозно-политическое движение, имеющее разветвленную структуру в подавляющем большинстве мусульманских стран. В Российской Федерации признано экстремистской террористической организацией

Курьезная, но весьма показательная история приключилась с грузом, прибывшим из Германии, откуда под видом одежды, поставляемой в рамках гуманитарной помощи, представители чеченского комитета города Манхайм прислали целую фуру натовского обмундирования. Груз направлялся через Турцию и далее через пограничный пост Вале (в Ахалцихском районе Грузии) в Панкисское ущелье. Документы на груз оказались оформленными неправильно, возникла угроза его конфискации и нам пришлось подключить все свои связи в силовых структурах, чтобы его пропустили в нарушение всех таможенных правил. В благодарность за помощь пришлось отдать помогавшим нам высокопоставленным лицам половину груза. Но самое интересное ждало нас впереди. Пока мы ехали до Панкисского ущелья, на каждом посту нас останавливали и заявляли: «Говорят, вы везете форму Гелаеву? Нам тоже подбросьте, на пару человек».

Требуются ли еще какие-то доказательства причастности грузинских силовиков к снабжению чеченских боевиков, если о поставке крупной партии военной формы одному из самых одиозных полевых командиров знали не только руководящие лица, но и все рядовые, стоящие на постах?!

Как я уже упоминал, наша Ассоциация была лишь одним из каналов снабжения НВФ, причем далеко не самым основным. Через нас шли в основном «открытые» грузы, которые легко могли быть завуалированы под гуманитарную помощь. Более серьезные вещи доставлялись другими способами.

Так, лишь однажды нам довелось принять груз, отправителем которого являлся некий доктор Хайдер из Германии. В тот раз это было немецкое медицинское оборудование для полевого госпиталя. Как выяснилось позже, этот Хайдер, ставший одним из фигурантов в деле о подготовке террористов, захвативших самолёты 11 сентября 2001 года, регулярно участвовал в снабжении чеченских НВФ, но все другие его «посылки» (спутниковые телефоны, ноутбуки, денежные средства) в Грузию доставляли через связных. Некоторые из приезжавших в Панкисское ущелье «курьеров» позднее вошли в группу Мухаммеда Атты, участвовавшую в терактах 11 сентября. А пока будущих террористов-смертников и сопровождаемые ими грузы прямо в тбилисском аэропорту с почетом встречали представители АТЦ Грузии Ливан Габуния и Гия Габуния, отвечавшие за их беспрепятственную и безопасную доставку к Амжету (Абу Хавсу) в Панкисское ущелье.

Впрочем, они делали это не бесплатно. Тот же Ливан Габуния, прикрываясь своей «корочкой» сотрудника МГБ, сам неоднократно выступал в качестве курьера, выезжал в Турцию и доставлял чеченским командирам денежные средства в размере от 250 до 500 тысяч долларов США. За свои труды сотрудники грузинских спецслужб обычно получали около 10% от перевозимой суммы.

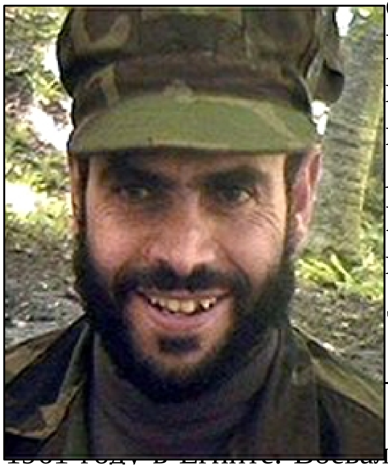
Была в этом и иная выгода. Став одним из звеньев цепи, по которым шло финансирование чеченского сопротивления, спецслужбы Грузии контролировали денежные потоки, точно зная, куда и к кому они идут. В нужный момент они

могли их всегда успешно прибрать к рукам, что однажды и произошло. В тот раз арабы, которым надоело делиться с грузинскими силовиками, решили самостоятельно провезти в Грузию около 3 миллионов долларов США. Под видом руководителя алжирской благотворительной организации в качестве курьера в Грузию прибыл некий Абу Саид, бывший моджахед Хаттаба, проживший несколько лет в Грузии и даже вступивший в брак с одной из местных жительниц. Информация о попытке провоза крупной суммы в обход грузинских силовиков привела последних в бешенство. В результате стремительно проведенной операции курьер был схвачен, АТЦ изъял все денежные средства, а самого Абу Саида выдворили в Баку.

Раздосадованные арабы твердо усвоили, что лучше платить долю, чем лишиться всего. Тем не менее, они еще какое-то время пытались вернуть изъятые средства, чередуя просьбы с угрозами. Впрочем, довольно скоро они узнали, что информацию о тайком привезенных в страну миллионах грузинские спецслужбы получили от чеченцев, уставших бороться с арабскими «братьями» за денежные потоки. А когда до арабов дошла информация о том, что и внушительная часть изъятых денег досталась чеченским НВФ, им ничего не оставалось, как замять это дело и проглотить обиду: без чеченцев арабы в Грузии не имели никакого веса.

Однако были среди арабов и такие, которых «крышевали» не чеченцы и не грузины, а ЦРУ. Одним из них был Сейф Ислам[14], бывший инструктор ЦРУ в Афганистане, в свое время обучавший Хаттаба способам ведения партизанской войны. Он имел несколько иностранных паспортов, однако в Грузии проживал, имея официальный статус чеченского беженца, выданный Министерством по делам беженцев Грузии. Сейф Ислам жил непосредственно в Тбилиси и свободно себя там чувствовал, даже во время так называемой «антитеррористической операции» в Грузии в 2002 году.

Для сравнения надо сказать, что все остальные арабы в момент проведения этой операции были переправлены в Баку. Занимались их переброской все те же сотрудники АТЦ МГБ Грузии Ливан Габуния, Гия Габуния и еще ряд их коллег, специально выделенных для выполнения этой задачи. Правда и здесь не обошлось без мздоимства: за каждого перевезенного араба работники АТЦ требовали от полутора до двух тысяч долларов. Расценки за спасение Амжета и еще пары других высокопоставленных эмиров были значительно выше – от 50 до 100 тысяч долларов. Это объяснялось тем, что за их



Сейф Ислам

[14] … («Меч ислама»), полное имя **Мохмад Мохамад Шабаан**, родился в … в Афганистане, Судане, Сомали, Ливане. В Чечню прибыл в 1992 … представитель террористической организации «Братья мусульмане». … отовки террористов «Кавказ», отвечал за обучение боевиков минно-взрывному делу. Вместе в Хаттабом организовывал сеть «Аль-Каиды» на Северном Кавказе. Уничтожен в ходе спецоперации в Дагестане 2 февраля 2010 года

«головы» русская ФСБ готова была заплатить по 3 миллиона.

Трудно сказать было ли это блефом: Амжета на самом деле пытались похитить, но в силу ряда случайностей та попытка закончилась неудачей. Одному из арабских эмиров – алжирцу по имени Гариб – повезло меньше: его действительно похитили и продали западным спецслужбам. Следует заметить, что занимались этим те же сотрудники АТЦ, которые помогали НВФ в «тайных операциях». Годом позже, в 2003 году, ряд из них был уличен в похищении и передаче российской стороне нескольких боевиков Руслана Гелаева[15].

Подобных примеров двурушничества грузинских спецслужб и их предательства по отношению к тем, с кем еще вчера успешно сотрудничали, по ходу моего повествования будет встречаться множество. В отчаянии чеченцы шли на контакт с ними, видя в грузинских властях союзника в борьбе против России, но вместо поддержки и взаимовыручки получали удар в спину.

К сожалению, о подлости и лицемерии спецслужб Грузии и мне стало известно не понаслышке. Истинное отношение грузинских силовиков к чеченцам мне довелось испытать «на своей шкуре», как в переносном, так и в прямом смысле…

Сентябрь 2002 года

В апреле 2002 года я отправился в Мекку в паломничество к святым местам, как предписывает вера мусульман. Моим попутчиком оказался житель Панкисского ущелья Зураб Хангошвили, еще не подозревавший, чем закончится для него соседство со мной в той поездке.

Уже в пути нас настигла весть, что в Грузии началась контртеррористическая операция против якобы засевших в Панкисском ущелье агентов Аль-Каиды. Формальным поводом для нее послужило задержание некоего эмиссара из Англии, присланного в Грузию уже упоминавшимся мной пакистанцем Али. Задержанный грузинскими властями англичанин ранее уже бывал в Грузии, несколько раз нам поручали встретить его в аэропорту. По поручению Али, он доставлял в Панкисское ущелье какие-то электронные блоки, предназначение которых от нас держалось в тайне. Возможно, это были элементы использовавшихся НВФ средств связи, хотя я совершенно не исключаю, что гость из Англии мог доставлять и части неких управляемых механизмов для ведения подрывной войны и организации терактов.

Обычно, о планирующемся прилете в страну курьеров с подобным, мягко говоря, «необычным» грузом грузинские спецслужбы информировались заранее. В таком случае своевременно включались тайные механизмы, которые позволяли сомнительным личностям, зачастую находившимся в международном розыске, и

---

[15] Кстати, тогда, в 2003 году, «оборотни в погонах», одним из них которых оказался уже упоминавшийся Ливан Габуния, были изгнаны из силовых структур. А сегодня, при нынешнем руководстве, запятнавший честь мундира и уволенный из органов Ливан Габуния благополучно преподает в военной академии в Тбилиси

их не менее сомнительному багажу беспрепятственно попадать на территорию страны и далее в пункт назначения. Трудно сказать, что не сработало на этот раз, но, скорее всего, все произошло именно так, как задумывалось. Англичанин угодил в лапы АТЦ МГБ Грузии, где из него выжали столько информации, что с лихвой хватило бы для проведения нескольких антитеррористических операций.

То, что захват этого курьера стал для грузинских спецслужб просто формальным поводом, не вызывает сомнения. Власти прекрасно знали, что в Панкиси есть арабы, связанные с Аль-Каидой, благо они сами помогали каждому из них переправляться через границу. Просто настал момент, когда официальному Тбилиси пришлось сделать это «открытие», попытавшись скрыть от международной общественности многолетнее укрывательство террористов на своей территории.

Что подтолкнуло грузинское руководство к этому шагу? Возможно, Шеварднадзе испугался произошедшего после терактов 11 сентября сближения позиций России и США и осознал, что Грузия, прячущая у себя террористов, может в мгновение ока стать разменной картой большой политики. Действительно, что стоило двум крупнейшим мировым державам договориться? Так удобно было бы обеим сторонам: Москва не мешает странам Запада уничтожать террористов (читай – укрепляться) на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а Америка в благодарность русским отдает им «на откуп» Грузию, где как раз и прячутся столь насолившие России боевики…

И тогда, осознавая свою неспособность самостоятельно противостоять могучему северному соседу, отношения с которым становились все хуже, грузинское руководство решилось на отчаянный шаг – вынудить американцев ввести войска на территорию Грузии. Осуществить это можно было только одним способом – превратиться в еще одно гнездо международного терроризма, которое без помощи всемогущего «дяди Сэма» ликвидировать не получается. Вы спросите: откуда я это знаю, есть ли у меня доказательства? Есть, не сомневайтесь. Однако, обо всем по порядку…

…Вернувшись из хаджа, я тут же поспешил к генералу Ливану К., чтобы из первых уст услышать, что за игру затеяла Грузия в Панкисском ущелье.

– Что вы делаете? Какие террористы?! – возмущенно бросил я ему прямо с порога. – Ведь это мы с вами сюда их привозили, да еще и под ваши и мои гарантии. Вы хоть понимаете, что вы подставляете меня и всех чеченцев – тех, кто с ваших слов гарантировал им неприкосновенность?! Чеченцы не позволят трогать тех, кто пришел к ним на помощь со всего исламского мира, – раздраженно заявил я генералу.

Терпеливо выслушав меня, Ливан К. усмехнулся:

– Ты единственный, кто заступился за арабов. Все чеченцы в один голос заявили, что они вам мешают. У нас уже есть договоренность с вашими командирами: они их не будут защищать, а мы не станем трогать чеченцев. Мы гарантируем неприкосновенность чеченцам здесь, а боевики вместе с Хамзатом

уйдут с нашей помощью в Чечню.

– Не может такого быть! – выпалил я, хотя уже понял, что генерал говорит правду. Еще до поездки в Саудовскую Аравию я слышал о том, что ряд наших представителей обращался в посольство США с подобными предложениями.

– Ладно, – сказал я Ливану, слегка поостыв. – Тогда обеспечьте мне встречу с представителем ЦРУ. Ведь у вас есть кураторы из американской разведки, тем более после начала контртеррористической операции?

В принципе, я мог и не спрашивать. Один наш знакомый офицер из охраны Шеварднадзе давно рассказал о тесном взаимодействии грузинских разведчиков с их коллегами из Лэнгли.

– Я думаю, американцы будут не в восторге от того, что вы решились на захват их агентов, – пояснил я свою просьбу, видя изумленное лицо генерала. – Вы думаете, эти арабы, большинство из которых граждане Катара, Саудии, США, рядовые бойцы? Да они все выпускники спецшкол ЦРУ, еще со времен войны в Афганистане!

Ливан испытующе уставился на меня, словно гадая: в курсе ли я того, что происходит на самом деле. В отличие от меня генерал был прекрасно осведомлен, что в действительности большинству арабов, за которых я так горячо заступался, ничего не угрожает: уже тогда было принято решение о вывозе их с территории Панкисского ущелья и тайной отправке их в Баку.

Вот только я об этом, разумеется, еще ничего не знал, поэтому и пытался всеми силами спасти тех, кому когда-то помог попасть на территорию Грузии.

– Давайте встретимся с кем-нибудь из ЦРУ, – продолжал настаивать я. – Если они скажут, что это не так, я гарантирую вам, что сам за руку приведу всех арабов, которых мы с вами сюда заводили. И не нужно будет никакой антитеррористической операции!

– Хорошо, хорошо, не кипятись, – попытался успокоить меня Ливан. – Не надо спешить. Я все передам, потом тебе позвоню, – пообещал он напоследок.

Уже тогда по лицу Ливана я понял, что никакого звонка не будет. Никакие мои доводы не могли остановить начавшейся грандиозной аферы, в результате которой грузины хотели затащить войска НАТО на свою территорию…

Буквально через три дня после моей встречи с Ливаном К., мне позвонил знакомый журналист из Москвы, грузин по национальности, и сказал, что завтра вылетает в Тбилиси с группой корреспондентов телекомпании «НТВ». Журналисты летели специально, чтобы попасть в Панкисское ущелье, где уже был объявлен режим КТО[16]. Требовалась моя помощь, и я согласился сопроводить туда съёмочную группу, рассчитывая использовать ресурс «НТВ» и в своих интересах – для развенчания коварных замыслов грузинских спецслужб. После получения журналистами официального разрешения МВД и МГБ Грузии, мы повезли их в Панкисское ущелье. Естественно, о нашем визите я заблаговременно сообщил в штаб Гелаева: его бойцы не горели желанием

---

[16] **КТО** – контртеррористическая операция

лишний раз попадать под объектив телекамер.

Удачно миновав все блокпосты, мы прибыли в центр Дуиси и остановились возле мечети. Информация о приезде русских журналистов распространилась с молниеносной быстротой, и довольно скоро вокруг нас стали собираться местные жители, многие из которых были настроены по отношению к незваным гостям весьма решительно. Надо ли объяснять, какое отношение к русским было у населения Панкисского ущелья?

Неожиданно нам помог проезжавший мимо Имран Ахмадов. Увидев разгоряченную толпу, он остановился, чтобы поинтересоваться, что происходит. Опасаясь, что с его появлением обстановка может еще более накалиться, я бросился к нему и постарался как можно быстрее объяснить сложившуюся ситуацию. Я рассказал ему, что грузины нас подставили и сейчас пытаются нашими руками завести в страну американцев, а мы все можем стать «козлами отпущения». Я также объяснил ему, как именно нам может помочь эта съемочная группа «НТВ». Надо отдать должное Ахмадову: он довольно быстро вник в ситуацию и не только не стал возражать, но и помог снять напряженность, объявив собравшимся местным жителям, что я нахожусь под его защитой. После этого Ахмадов сел в машину и уехал на свою базу.

Мы сняли необходимый репортаж. В него, помимо прочего, вошло и мое интервью, в котором я как председатель Чеченско-Кавказского Комитета Грузии заявил, что никаких террористов в Панкисском ущелье нет, а обычных уголовников, прячущихся здесь, грузинская полиция может спокойно изловить без привлечения дополнительных сил.

Выполнив свою работу, мы отправились в обратный путь, однако спокойно вернуться в Тбилиси нам было не суждено. На одном из перекрестков в городе Телави мы были задержаны сотрудниками МГБ Грузии. Спустя час, тщательно просмотрев весь отснятый нами материал, представители госбезопасности отпустили российских журналистов, а меня под конвоем, в сопровождении двоих сотрудников АТЦ, отправили в Тбилиси.

Вначале меня трое суток меня держали в сидячем положении на табурете, не давая ни встать, ни лечь. Но надо отдать должное моим охранникам: когда наставало время молитвы, мне давали возможность молиться.

А потом в помещении, где меня держали, появился Гия Габуния, попросивший перечислить всех известных мне чеченских командиров, находящихся в Панкисском ущелье. Тогда я еще не понимал всей серьезности своего положения, будучи уверенным, что вот-вот меня отпустят восвояси. Даже три дня, проведенные в заточении, меня не особо напугали. Поэтому в ответ на эту нелепую просьбу я беззаботно рассмеялся:

– Да Вы же лучше меня с ними знакомы! Я знаю тех же, кого и Вы.

Габуния понимающе кивнул и пожал плечами: дескать, и сам понимаю, но ничего не поделаешь – таковы правила игры.

– Ты напиши на бумаге, и мы тебя отпустим, – пообещал он мне, всем своим

видом показывая, что это лишь пустая формальность.

Я не видел никакого смысла упираться и изображать «героя на допросе». Тем более бессмысленно было ломать комедию перед Гией, который регулярно лично контактировал со всеми, чьи имена его теперь интересовали. Недоуменно пожав плечами, я взял бумагу и ручку, и написал: «Я знаком с …» и переписал всех командиров. Габуния удовлетворенно кивнул головой, взял эту бумагу и вышел.

Когда он вернулся, от прежней наигранной доброжелательности на его лице не осталось и следа.

– Ты арестован! – бросил он мне и начал зачитывать обвинение, что-то про пособничество террористам.

– На каком основании? – не дослушав, перебил я его.

– На основании той бумаги, которую ты сам написал, – насмешливо ответил Габуния.

Только теперь я начал понимать, что стал жертвой чудовищной провокации. Но сдаваться просто так я был не намерен:

– Вы ошибаетесь насчет меня! – заявил я ему. – Да, я с ними знаком, но и Вы с ними знакомы лучше меня! Я контактировал с полевыми командирами по просьбе ваших же властей. Дайте мне возможность связаться с Ливаном К. Он подтвердит, что я работал, прежде всего, в интересах Грузии, за что и получил гражданство вашей страны. И если я являюсь террористом, то вы, давшие мне гражданство, являетесь пособниками террористов!

Конечно, возможности связаться с Ливаном мне не дали. Я понимал, что дело приобретает весьма серьезный оборот, но был уверен, что судить меня они не станут: если бы дело дошло до суда, я бы рассказал на нем все, что знаю. Конечно, я допускал мысль, что со мной могут сурово обойтись и в обход всех законов, но и такой вариант я предусмотрел заранее: все материалы о проводившейся мною работе лежали у моих друзей и доверенных лиц…

Через какое-то время на очную ставку со мной привели Зураба Хангошвили, оказалось, его тоже арестовали вслед за мной. Нам пояснили, что причиной нашего ареста послужило некое письмо, якобы присланное из американского посольства в Грузии и информирующее грузинские спецслужбы о наших контактах с международными террористическими организациями. Дескать, под прикрытием совершения хаджа мы ездили в Саудовскую Аравию на встречу с эмиссарами Аль-Каиды.

На чем основывались эти фантазии, я не знаю, но их бессмысленность, как мне казалось, видна невооруженным глазом. Появись у меня желание пообщаться с представителями Аль-Каиды, мне не нужно было бы для этого добираться в Саудовскую Аравию: достаточно просто поехать в Панкисское ущелье и встретиться с Амжетом, находившимся там с молчаливого согласия грузинских спецслужб.

Вскоре после очной ставки с Зурабом Хангошвили и произошло то событие,

которое не оставило у меня никаких сомнений относительно истинных планов грузинских властей, затеявших игру в «борьбу с терроризмом». На очередном допросе Гия Габуния, видимо сам понимая бессмысленность выдвинутого нам обвинения, решил сыграть в открытую.

– Нам нужны два человека, арабы, которые дадут показания, что в Панкисском ущелье есть агенты Аль-Каиды, – разоткровенничался Габуния. – Одного мы нашли, нужны еще двое, что бы мы могли завести сюда американцев.

Именно так, из уст высокопоставленного сотрудника грузинских спецслужб я и получил окончательное подтверждение своим догадкам: вся эта затея с Аль-Каидой в Панкисском ущелье была придумана, чтобы втянуть на территорию Грузии войска НАТО. Вот только реализовать этот хитроумный замысел оказалось не так просто – настоящих эмиссаров Аль-Каиды грузинские спецслужбы за немалые деньги тайком переправили за границу. Теперь они остро нуждались в «арабских террористах», а кандидатов на эту роль они рассчитывали подобрать с нашей помощью.

– Дайте нам двух арабов, – продолжил уговаривать Габуния. – Они посидят два годика, потом мы их отпустим. Это в наших общих интересах: ведь вы же хотите, чтобы мы выдворили русских с Кавказа?

Помню, я возмутился и заявил, что не сдаю свих товарищей. Тогда участвовавший в допросе вместе с Гией неизвестный мне сотрудник МГБ похлопал меня по плечу и сказал: «Ну, тогда посидите сами вместо арабов». И вышел, не сказав больше ни слова. Уже на следующий день по всем информационным каналам Грузии прошло официальное сообщение об аресте чеченского журналиста, связанного с Аль-Каидой...

К чести чеченских командиров, находившихся в тот период в Панкисском ущелье, надо сказать, что их реакция на этот произвол грузинских властей была незамедлительной. Уже в тбилисской тюрьме № 5 до меня дошли слухи, что боевики выдвинули властям ультиматум: если нас не освободят, чеченцы пойдут в поход на Тбилиси. И вот только тогда обо мне вспомнил мой давний знакомый генерал Ливан К., прибывший ко мне в тюрьму в сопровождении некого высокопоставленного лица, представлявшего Совет безопасности Грузии.

– Успокойте своих друзей в Панкисском ущелье, – то ли посоветовал, то ли попросил этот господин, не пожелавший представиться. – Я обещаю, что месяца через три вас выпустят на свободу. А пока посидите тихо, это в ваших же интересах.

Выхода у меня не было: я всегда делал все, что мог, чтобы предотвращать любые обострения отношений между чеченцами и грузинским властями. Отступать от этого правила я не стал бы и сейчас, даже в обмен на свою свободу. Пришлось согласиться, я позвонил в ущелье и передал слова моих гостей в штаб Гелаева и Межидова.

Чеченско-Кавказский Комитет Грузии

Вместе с тем, я хорошо понимал, с кем имею дело. Для меня уже было яснее ясного, что любой договор, заключенный с грузинскими спецслужбами, «стоит не больше чем бумага, на которой он подписан». Поэтому, несмотря на данные мне представителем Совбеза обещания, я решил не сидеть, сложа руки, а делать хоть что-то, что может приблизить мое освобождение.

Но в одиночку бороться с системой крайне трудно, особенно сидя за решеткой. Без помощи со стороны, скорее всего, я бы так и не смог ничего добиться, если бы не неоценимая помощь, оказанная моими знакомыми – представителями грузинских общественных организаций. Первым, кто выступил в мою защиту, был председатель Народного Фронта Грузии академик Нодар Ревазович Нотадзе, являвшийся в то время моим заместителем по Чеченско-Кавказскому Комитету Грузии.

С присущими ей решительностью и целеустремленностью включилась в работу по моему освобождению и Светлана Кадахашвили (Джергения), еще один член нашего комитета. С грузинскими спецслужбами у нее были старые счеты. Они ненавидели ее за то, что она была абхазкой, да к тому же состояла в родстве с лидерами Абхазии Владиславом Ардзинба и Анри Джергения. Еще одним поводом для ненависти грузинских силовиков был страх: имея продолжительный опыт сотрудничества со спецслужбами Грузии, Светлана сумела собрать довольно обширный компромат на всех руководителей этих структур. У нее на руках были неопровержимые доказательства их нечистоплотности и двурушничества, ей ничего не стоило бы обнародовать факты многочисленных измен, совершенных высокопоставленными должностными лицами Грузии, по отношению к своей стране.

Вот лишь один небольшой эпизод, о котором поведала мне Светлана, но и он достаточно ярко характеризует нравы, царившие в грузинских спецслужбах. Однажды ей дали особо секретное задание, о котором, как она думала, знали только двое – сама Светлана и глава внешней разведки Автондил Иоселиани. С тайной миссией она отправилась в Сухум, где первый же встретившийся ей родственник предупредил ее: нужно немедленно возвращаться назад – руководству Абхазии известно о том, что ее послали ликвидировать Владислава Ардзинба.

После такой подставы со стороны Иоселиани и его ведомства, Светлана решительно порвала все отношения со спецслужбами Грузии, и стала активно против них выступать. В 2001 году она пришла к нам в офис, рассказала о подлостях, на которые способны власти этой страны, и предложила создать Чеченско-Кавказский Комитет Грузии, который, по сути, стал тем стержнем, вокруг которого стали объединятся антиправительственные силы, недовольные политикой Шеварднадзе (именно так к нам присоединился один из самых непримиримых критиков грузинского президента Нодар Ривазович Натадзе).

Видимо, мое руководство этим оппозиционным комитетом и подтолкнуло грузинские спецслужбы к решению избавиться от меня. Тем не менее, даже сидя

в тюрьме, я ни разу не пожалел об этом шаге, так как в определенный период созданный нами комитет был единственной реальной организацией, защищавшей интересы чеченских и абхазских беженцев.

Моя деятельность по защите прав беженцев и освещению проблем, связанных с войной в Чеченской Республике, были высоко оценены: незадолго до моего ареста меня приняли в ряды известной правозащитной организации «Мемориал». И теперь представители чеченского отделения этой организации Ибрагим Яхьяев и Малика Сайдулаева, также являвшиеся членами нашего Чеченско-Кавказского Комитета Грузии, принимали самое активное участие в работе по моему освобождению.

Скорее всего, мне была уготована участь стать одной из многочисленных жертв грузинских спецслужб. В этих структурах не церемонились с теми, кто стал невольным свидетелем их грязных игр и тайных операций – такие люди, чаще всего, просто пропадали без вести…

Но в случае со мной силовики переиграли сами себя. Раздутая в местных СМИ шумиха о поимке «чеченского журналиста, связанного с Аль-Каидой» и официально предъявленные мне обвинения были настолько нелепы, что в мою защиту выступили не только мои друзья и коллеги, но и целый ряд общественных и политических деятелей Грузии: депутаты парламента Вахтанг Бочоришвили и Джамал Гамахария, руководитель «Кавказского Дома» Наира Гелашвили и ее заместитель Макка Хангашвили, а также многие другие. В результате, под заявлением, адресованном властям Грузии и содержащем требования об освобождении нас и Зураба Хангошвили, подписалось более тысячи человек.

Особую роль в процессе моего освобождения сыграла адвокат Севдия Угрехелидзе, высокообразованная, интеллигентная женщина, имевшая репутацию отличного профессионала не только в Грузии, но и за ее пределами (ее родной брат в то время был членом Страсбургского суда). Благодаря ее усилиям, власти Грузии так и не смогли посадить меня на 15 лет. Не смогли они и тайно передать меня американцам, как это сделали с некоторыми чеченцами и арабами, находившимися в Грузии. Именно так поступили с одним из членов нашего комитета Хусейном Юсуповым. Этому молодому человеку, совершенно непричастному к тем грехам, которые ему приписывали, довелось в полной мере ощутить на себе все «прелести» тайных тюрем США, раскиданных по всему миру…

Словом, неизвестно, как бы сложилась моя судьба, если бы не помощь всех этих людей, не поверивших в то, что простой чеченский журналист Ислам Сайдаев является эмиссаром международного терроризма в Грузии и чуть ли не представителем самого Усамы бен-Ладена. И кто знает: если бы не активная деятельность горстки неравнодушных борцов за правду, чем бы закончилась эта великая афера грузинских властей, задумавших под видом борьбы с международным терроризмом добиться ввода в страну американских войск?..

Однако, пока я находился в заточении, а мои друзья активно добивались

моего освобождения, наши противники тоже не дремали. Сразу после моего ареста грузинские спецслужбы сделали все, чтобы прибрать к рукам наше детище – Кавказское Информационное Бюро «КИБЕ», единственный чеченский информационный центр, реально работавший в интересах чеченских беженцев. Наша база была экспроприирована, в руководство бюро были посажены новые представители «Ичкерии», которые были готовы безоговорочно выполнять задания своих патронов и не задавать при этом лишних вопросов.

В ноябре 2012 года один из них написал статью, в которой полностью подтверждает все мною выше сказанное, и то, о чем я хочу поведать далее. В статье, опубликованной на сайте «Грузия онлайн» под названием «Чеченцы в Грузии: чаяния и тревоги», автор Адаман Иса (Лондон, Великобритания), пишет: *«...Грузия всегда находила общий язык с империалистической Россией легче и раньше, чем с близким по духу и культуре чеченским народом – тысячелетним соседом. Затаив дыхание мы каждый раз ждали потепления в наших отношениях, но надежды рушились каждый раз, когда власть жертвовала нами ради своих жалких и беспринципных заигрываний.*

[…] Очередные политические перемены в Грузии опять породили как надежды, так и тревоги в среде чеченцев, живущих на ее территории. Впрочем, как это было и прежде при Шеварднадзе и Саакашвили, когда чеченцы использовались в качестве разменной монеты (откупа) для «задобрения» большого и злого соседа, каждый раз, когда это было необходимо.

Помнится, что пришедшая к власти «Грузинская Мечта» обещала и продолжает обещать наладить отношения с Москвой, но как, пока не объяснила. […] Есть тревожная информация и предпосылки полагать, что некоторые «ястребы» в грузинской политике могут попытаться использовать Панкисское ущелье с его «ваххабитами» в качестве арены для начала нового флирта. Там могут легко «нарисовать» и Имарат Кавказ, и международных террористов и если угодно, саму Аль-Каиду тоже.

[…] В качестве сжатой справки напомним, что несмотря на то, что в августе 2002 года специальным распоряжением Президента ЧРИ Аслана Масхадова, в Панкисское ущелье Грузии был направлен (по просьбе грузинской стороны) человек (представитель), который по большей части и стал причиной того, что ситуация была разрешена мирным образом – вооруженные формирования чеченцев (в ущерб собственным интересам) были расформированы, а часть передислоцирована в Чечню. Оставшиеся люди – просто беженцы, которым грузинское руководство и международные организации обещали покой и защиту. Одним словом, любые вооруженные подразделения чеченцев просто перестали существовать на территории Грузии еще с начала 2003 года, однако тема Панкиси и якобы чеченских боевиков, живущих там, непрестанно муссируется и по сей день. Мы то и дело слышим небылицы о бородатых ваххабитах, представляющих угрозу то России, то Грузии, или той и другой одновременно – все зависит от текущей

пропагандистской повестки. В этой связи стоит еще отметить, что в 2002 году просьба о помощи в Панкийском вопросе поступила со стороны грузинских чиновников, и чеченское руководство тогда откликнулось незамедлительно. Адресованные нам грузинской стороной вопросы были решены ценой пожертвования собственными стратегическими интересами и нечеловеческими усилиями чеченской стороны ради сохранения мира между нашими народами. И было бы несправедливо не заметить огромную роль, что сыграл в этом процессе Иракли Аласания – новый министр обороны в правительстве Бидзины Иванишвили. Он, как непосредственный участник тех событий, знает хорошо, как и ценой каких усилий с нашей стороны был решен вопрос Панкиси. Нам тогда, в тесной увязке с грузинскими органами под руководством Аласания, удалось практически урегулировать то напряжение, которое искусственно создавалось и нагнеталось основными игроками в регионе (по вполне понятным причинам) на протяжении двух предыдущих лет. При этом ни один грузинский солдат не был даже ранен в процессе решения вопроса. Грузинские села, ранее находившиеся под контролем (в хорошем смысле этого слова) чеченских ополченцев, мирно и согласованно перешли под контроль Тбилиси.

[…] Теперь же, когда мы убеждаемся, что становимся «овцами на забой» в разных играх, в том числе и наших грузинских друзей, нас не могут не тревожить новые слухи о новых тенденциях в новом руководстве Грузии. Достоянием ограниченной (пока) публики стала информация о том, что новые грузинские власти намерены «зачищать зачищенное». На этот раз целью могут стать чеченцы, живущие в Панкиси с начала 1999 года – те самые чеченцы, что остались жить в ущелье как беженцы. Вероятно, таким образом, Тбилиси планирует попытаться «наладить диалог» с Кремлем – восстановить возможно разорванные в 2008 дипломатические отношения, опять же на горе и страданиях нашего народа...»

Что тут скажешь? О неоднократном циничном использовании грузинскими властями чеченцев и их проблем написано верно. О тревогах, бередящих души беженцев, нашедших приют в Панкисском ущелье, пожалуй, тоже. Вот только в описании событий далекого 2002 года этот самый Иса, мягко говоря, «несколько не точен»…

Я не знаю, насколько активную поддержку оказывал в проводимых автором операциях Ираклий Аласания, но точно знаю, что сам автор этих строк являлся представителем в Грузии Чеченского Джамаата, а если быть еще точнее – Урус-Мартановского джамаата. Он напрямую подчинялся одному из наиболее одиозных чеченских полевых командиров Магомету Цагараеву, по прозвищу «Нурдин», отряд которого квалифицировался на убийствах работников силовых структур. Сам же Иса являлся именно тем человеком, который формировал в Грузии отряды боевиков, в том числе и ту группу, которая позднее участвовала в операции «Норд-Ост».

«Норд-Ост» из Грузии

О «нечеловеческих усилиях», затраченных при сглаживании обстановки в Панкисском ущелье, Иса Адаман (Адамов) может знать только понаслышке: он и его напарники прибыли в Грузию уже после того, как нами была проведена титаническая работа по урегулированию взаимоотношений чеченцев и грузин. Чего это стоило – знает только тот, кому действительно пришлось преодолевать эту стену угрюмого недоверия, подолгу объясняясь с каждым грузином по поводу участия чеченцев в абхазском конфликте. Объяснять, что там участвовали не все чеченцы, а лишь 200 человек, в то время как бойцов, входивших в состав армянского подразделения имени Баграмяна, насчитывалось около 6 тысяч. Объяснять, что кроме чеченцев, на стороне Абхазии воевали добровольцы, представлявшие практически все северокавказские нации и народности: казаки, кабардинцы, осетины и др.

Именно мы, подружившись с правительством Тамаза Надереишвили и став с ними партнёрами, совместными усилиями решили вопрос недопонимания и прямой неприязни части грузин к чеченцам. А Иса и ему подобные, прибывшие в Грузию значительно позже нас, не имели никакого представления ни об общественной работе, ни, тем более, о работе политической. Многие из этих «представителей» были даже не способны поддерживать беседу в приличном обществе, впрочем, для возложенных на них задач этого и не особо требовалось.

Они приходили прямиком к нам в офис, и я лично консультировал этих людей, как и с кем нужно общаться и какие отношения строить. Однако мои советы не пошли им впрок: многие из них предпочли сдружиться со спецслужбами Грузии. Причем сдружиться настолько, что эти люди, в отличие от меня, стали числиться штатными сотрудниками АТЦ Грузии. Их «нечеловеческие усилия» были направлены не на укрепление чеченских позиций в Грузии, а на борьбу с конкурентами в вопросах получения и распределения гуманитарных грузов и иной помощи, которая приходила к боевикам и беженцам. Они начали настоящую войну за контроль над денежными каналами. В одном Иса прав: именно благодаря его усилиям, и усилиям таких, как он, независимые отряды чеченских боевиков, которые до того вели в Грузию свою политику, были полностью переподчинены грузинским властям и спецслужбам, и стали работать в их интересах, и в интересах США. Именно по причине лояльности таких «представителей», как Иса Адамов, и их готовности к сотрудничеству со спецслужбами Грузии и западных стран, их сразу же по завершении их «миссии» в Грузии переправили в Англию, где они и по сей день вольготно себя чувствуют под сенью английской «Интеллиджент сервис».

Меня могут упрекнуть: дескать, ты тоже сотрудничал с грузинскими спецслужбами, и какое ты имеешь право упрекать в подобных связях других? Да, отчасти это так. Когда я говорил, что мы вынужденно взяли на себя функцию посредников между властью и членами НВФ, находившихся в Грузии, я нисколько не пытался обелить себя или облегчить свою вину. Я уже достаточно

пострадал за свои ошибки, чтобы бояться наказания. Однако дело обстояло именно так, как я и говорил. Находясь в государстве, спецслужбы которого с одной стороны требуют от тебя оказания неких услуг, и будучи под постоянным прицелом членов НВФ, которые с другой стороны тоже требуют от тебя неких действий, трудно решиться на что-либо иное, нежели делать то, что от тебя требуют. Мы, конечно, понимали, что ходим «по острию ножа», однако мы чувствовали и то, что другой нож, занесенный над нашими головами, может в любую минуту приблизиться к нашему горлу, если мы откажемся исполнять роли, определенные для нас грузинской властью.

А вот то, что бывает с нежелающими подчиниться, я смог прочувствовать на собственной шкуре. Меня еще держали за решеткой, когда в результате активных действий поддерживающей меня общественности, грузинские власти начали постепенно осознавать, что сделать из меня «террориста номер два» (второго по значимости после бен-Ладена) скорее всего не получится. Но и просто так отпускать меня, слишком много знающего о тайных механизмах спецслужб Грузии, в их планы не входило. И тогда родился второй вариант моей нейтрализации – на меня решили натравить членов чеченских НВФ, некоторые из которых давно хотели расправиться со мной.

Официальное обвинение в связях с террористами, которое мне предъявили при аресте, на чеченцев не могло произвести никакого негативного впечатления. Поэтому спецслужбы Грузии запустили слух, что я работал на ГРУ – российскую военную разведку. Полевые командиры по-разному восприняли эту информацию: кто-то понял, что это очередная грузинская провокация, другие только и ждали подобной «отмашки», чтобы в открытую броситься на меня. Особенно этот слух понравился Увайсу Ахмадову, который меня откровенно ненавидел еще с Грозного. Поняв, что теперь руки развязаны, Увайс со своими подручными Адамом Пашаевым и неким Хабабом из Урус-Мартановского джамаата захватили в заложники Сурхо Идиева, потребовав от него освободить наш офис, передать им все оборудование центра, наши передвижные средства и все помещения, где мы снимали комнаты. Когда Сурхо отказался это сделать без моего приказа, они его попросту избили, приставили к виску пистолет и заставили позвонить мне в тюрьму. Разговаривал со мной Адам Пашаев. Узнав, что происходит, я для сохранения жизней своих друзей и наших семей дал Сурхо команду подчиниться их требованиям.

Адам Пашаев до приезда в Грузию был членом отряда Арби Бараева и входил в его близкое окружение, в какой-то период даже исполнял в его группе обязанности начальника штаба. В Грузию он прибыл в статусе «Генерального представителя Ичкерии по гуманитарной помощи в мусульманских странах», активно занимался поставкой грузов и их реализацией, после чего отправлял деньги боевикам в Чечню. А вина за разворованную гуманитарную помощь и проклятия беженцев доставались Хизри Алдамову…

Все эти манипуляции с гуманитарными грузами, как уже было сказано,

происходили с ведома спецслужб Грузии, «дружба» которых с некоторыми представителями Джамаата началась задолго до второй чеченской кампании. Главным организатором этого взаимодействия был один из ближайших сподвижников Джохара Дудаева проживавший теперь в Баку Ваха Ибрагимов по кличке «Афганец». Еще в первую кампанию он при активной помощи грузинских спецслужб привозил из Афганистана в Чечню американские ПЗРК[17] «Стингер», за что и получил свое прозвище. Помогал ему в этом уже упоминавшийся представитель МГБ Грузии Ливан Габуния.

Ваха Ибрагимов, Адам Пашаев, Иса Адамов были именно теми людьми, кто совместно с грузинскими спецслужбами организовывал, готовил и вооружал боевую группу, осуществившую захват заложников в московском театре на Дубровке, где в тот момент шел получивший печальную известность мюзикл «Норд-Ост». Помогал ли сам Ираклий Аласания Исе и Адаму в подготовке этой операции, я не знаю, но то, что целый ряд сотрудников спецслужб Грузии был в этом замешан – известно достоверно.

Одним из боевиков, выехавших из Грузии в Москву для участия в операции «Норд-Ост» был некто Муслим, отправившийся в российскую столицу со своей беременной женой. За день до выезда я его встретил в Панкисском ущелье: широко улыбаясь он поведал, что везет в Москву на лечение жену. Тогда я, конечно же, не стал задавать больше вопросов, хотя и был искренне удивлен: для чеченского боевика, находящегося в розыске, прибытие самолетом из Грузии в Москву было равноценно добровольной сдаче в плен! Видимо, документы, которыми его снабдили, позволяли ему не боятся разоблачения.

Другим организатором и участником захвата театра на Дубровке, направившимся в Москву из Грузии, был боевик из группы Хаттаба по имени Ясер, более известный под кличкой «Палестинец». За месяц до операции «Норд-Ост» он целую неделю просидел в подвале АТЦ МГБ Грузии, его «обработкой» занимался непосредственно Гия Габуния (тогда еще начальник отдела АТЦ). У таких, как Палестинец, попавших в застенки АТЦ, было только два пути: заплатить за свою тайную переброску в Баку или быть выданным американцам в качестве очередного выявленного представителя Аль-Каиды. Но, в отличие от многих других, бесследно исчезнувших без суда и следствия, Ясер-палестинец неожиданно был выпущен на свободу и, не таясь, вернулся в Панкисское ущелье, где влился в ряды организаторов готовящейся московской операции.

В скорости после трагических событий на Дубровке и исчезновения Адама Пашаева ахмадовские бойцы прямо в центре Тбилиси, на улице Марджанишвили, расстреляли из автоматов троих сотрудников МГБ. Одним из этих троих, которому посчастливилось выжить, был Мамука Майсурадзе, отделавшийся ранением в голову. Как ни странно, эту историю быстро замяли, мне даже не удалось узнать судьбу тех, кто стрелял, просочилась лишь информация что среди стрелявших был брат Адама Пашаева.

---

[17] **ПЗРК** – переносной зенитно-ракетный комплекс

Весть о том, что чеченцами захвачен театр на Дубровке, мы узнали от одного грузинского журналиста, имя которого я упоминать не хочу. Рано утром он позвонил к нам в офис и начал поздравлять с некой победой и вскоре появился сам с бутылкой дорогого вина. В этот момент меня не было в офисе, там находился только Сурхо Идиев, который отказался праздновать эту «победу», и не только потому, что, как и следует мусульманину, он не пил вина, а в первую очередь потому, что был противником таких методов ведения борьбы. Вино стоимостью около 200 долларов за бокал Сурхо на глазах у изумленного гостя демонстративно вылил в раковину. Больше этот журналист к нам с подобными новостями не приходил…

«Имарат Кавказ» – грузинский проект

Нынешний эмир так называемого «Имарата Кавказ» Доку Умаров появился в Грузии незадолго до появления там отрядов Гелаева и Межидова. В боях за Старопромысловский район города Грозного погиб практически весь отряд Умарова, а его самого, тяжело раненного, изрешечённого осколками от снарядов, под днищем грузовика вывезли из Чечни.

Где точно он проходил лечение неизвестно, поговаривали, что во Франции. После выздоровления, мало похожий на самого себя от полученных ран, Доку Умаров появился в Грузии и, как и все остальные чеченские командиры, организовал базу в Панкисском ущелье Грузии. Однако, в отличие от других лидеров НВФ, предпочитавших жить в окружении своих боевиков, Доку жил в основном в Тбилиси, в доме по улице Важа Пшавела, рядом с Антитеррористическим Центром МГБ Грузии, с представителями которого он довольно быстро наладил контакты. Среди тех, с кем особенно тесно взаимодействовал Умаров, доподлинно известны глава АТЦ Ливан Кинчадзе, сотрудники этой структуры однофамильцы Гия и Ливан Габуния, Серго Америдзе. Наряду с этим, Умаров и его люди активно контактировали с руководителями грузинской внешней разведки, таможенной службы, рядом высокопоставленных должностных лиц министерства обороны.

Несмотря на то, что сегодня Доку Умаров является, по сути, главой исламских фундаменталистов, во времена первой чеченской кампании, будучи в подчинении Руслана Гелаева, он разделял радикальные взгляды своего командира на ваххабитов, не раз заявляя: «закончится война – мы им всем отрежем головы». Позднее, в ходе второй кампании, сражаясь бок о бок с бойцами Джамаата, Умаров настолько кардинально поменял свои взгляды, что после приезда Гелаева в Панкисское ущелье, у них с Доку не сразу наладился диалог, а в последствии их отношения и вовсе разладились. До сих пор некоторые сторонники Гелаева считают, что их лидер погиб по вине Доку Умарова, отказавшегося в 2003 году идти вместе с

Доку Умаров

Гелаевым в Грузию, хотя на самом деле к гибели знаменитого полевого командира привело очередное предательство грузинских властей. Впрочем, об этом чуть позже.

Как я уже говорил, еще до появления Гелаева в Панкисском ущелье осевшие там чеченцы предпринимали попытки как-то упорядочить бесконтрольные «движения» в ущелье, в том числе и в части, касающейся распределения гуманитарной помощи беженцам. Так как я и мои товарищи были одними из тех, кто привозил гуманитарные грузы в ущелье, нам тоже довелось не раз участвовать в общих совещаниях, которыми руководил избранный комендантом Панкисского ущелья генерал Алман[18]. Именно к нему впервые обратились представители властей Грузии за помощью в деле освобождения Абхазии. В ходе обсуждения этого вопроса Алман неоднократно встречался с представителями властных и силовых структур Грузии, в том числе с уже упоминавшимся представителем властей Грузии в Кодорском ущелье Эмзаром Квициани.

На одном из подобных совещаний был поднят вопрос об имеющихся в грузинских архивах документах, связанных с прошлым чеченцев. Грузинская сторона выразила готовность предоставить нам доступ к интереснейшим материалам по Имамату Шамиля, Горской республике и т.д. Впоследствии эта тема неоднократно обсуждалась как на внутренних совещаниях в штабе «чеченских беженцев», так и в ходе многочисленных встреч с представителями общественно-политических кругов Грузии. Уже не важно, кто первый озвучил идею использовать эти исторические документы в интересах современной Ичкерии, интересно другое: к этой мысли нас искусно подводили извне, упорно, шаг за шагом подталкивая к действиям, приведшим впоследствии к созданию Имарата Кавказ.

В конце концов, созрело решение заявить о том, что Чеченская Республика Ичкерия является правопреемницей Кавказского Эмирата Узун Хаджи, который был признан некоторыми государствами Европы. Речь шла о том, что в этом случае мы автоматически получаем признание мирового сообщества. Помню, я возразил, что если речь идет о легитимизации власти в глазах мирового сообщества, тогда лучше поднять документы и признать Ичкерию правопреемницей Горской Республики: так мы смогли бы предъявить права и на активы, замороженные в банках Англии, которые, по некоторым слухам, до сих пор ждут своих хозяев. Однако мое предложение по Горской Республике почему-то было отвергнуто, и все чаще, и чаще стали говорить о Кавказском Эмирате.

Сразу насторожило то, что основными проводниками этой идеи стали как раз те чеченские представители, кто был теснее всех связан с МГБ Грузии. Смысл

---

[18] **Генерал Алман**, один из лидеров чеченских НВФ, одно время занимавший пост начальника охраны Зелимхана Яндарбиева. В 1996 году в Грозном «отличился» тем, что в отместку за гибель своего брата живьем замуровал в подвалах одного из зданий Национальной службы безопасности группу пленных чеченских милиционеров, погибших там от удушья и жажды

происходящего пояснила мне Светлана Кадахашвили:

– Им нужен именно Эмират, а не Горская республика, – пояснила мне моя главная советница. – Им нужна новая «Большая кавказская война», и желательно с религиозным оттенком. А Горская Республика была светским государством. И не забывай, что в Горскую Республику Абхазия входила как отдельное государство, поэтому грузинам крайне невыгодно реанимировать эту республику, – добавила Светлана.

Этот наш разговор состоялся в 2001 году, и тогда эта идея так и не дошла до практической реализации. Быть может, грузинское руководство, испугавшееся появившихся на территории страны отрядов Гелаева и Межидова, осознало, что на пути к воссозданию своего исторически признанного независимого государства чеченцы могут заявить права и на район Панкисского ущелья. Однако, выпестованная в недрах грузинских спецслужб идея не умерла, и уже через несколько лет, в 2004-2005 г.г., я услышал знакомые речи от директора интернет-сайта «Кавказ-центр» Висами Тутуева, являвшегося представителем Мовлади Удугова в Грузии. Он мне рассказывал, что идея воссоздания Кавказского Эмирата является одной из основных тем его общения с сотрудниками МГБ, куда его часто вызывали на беседу.

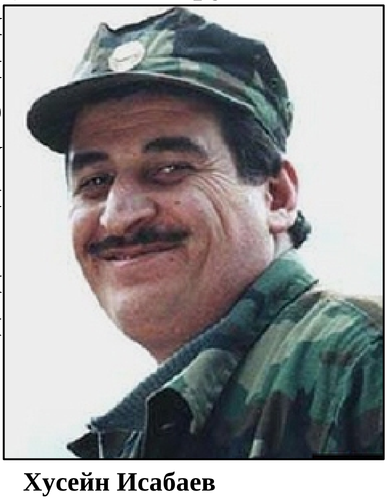
Кстати, обо мне в ходе этих «бесед» речь тоже заходила неоднократно. Представители МГБ не раз прозрачно намекали Висами, что я работаю на российскую военную разведку. Пытаясь дискредитировать и ликвидировать меня руками чеченских боевиков, не оставляя надежд устроить это при помощи ахмадовых, бараевых, межидовых и даже местного кистинского джамаата, грузинские власти не учитывали один нюанс: жизнь и смерть человека находится в руках Аллаха, а не в руках грузинских спецслужб!

И сегодня я, выживший с божьей помощью, свидетельствую, что идея создания Имарата (Эмирата) Кавказ принадлежала спецслужбам Грузии, усиленно насаждавшим ее в чеченском обществе. Как мудро предупреждал Карл Маркс, идея материализовалась после того, как ею овладели массы.

Группа Хусейна Исабаева

Одной из групп, находившихся в Панкисском ущелье, был отряд так называемого бригадного генерала Хусейна Исабаева. Он попал в Грузию с потоком беженцев через пограничный пост в Аргунском ущелье близ грузинского селения Шатили. Исабаев являлся официальным командиром чеченских вооруженных сил, подчинявшихся Министерству обороны Ичкерии. Будучи родом из самого непокорного чеченского тейпа «хачарой», к которому принадлежит и Доку Умаров, генерал слыл очень храбрым и бесстрашным командиром.

Я встречался с ним всего один раз. Поводом для этого стала поступившая к нам с грузинской стороны



Хусейн Исабаев

просьба помочь в освобождении двух польских геологов, якобы находившихся у Хусейна Исабаева в заложниках. С человеком, хорошо знавшим генерала, мы прибыли в селение Халацани, и я рассказал Исабаеву о цели своего визита. Хусейн ответил, что у него действительно находятся в гостях двое польских граждан, которых он спас в горах во время перехода в Грузию, однако они не являются его заложниками и он готов с удовольствием передать их представителям Польши. С грузинскими же властями он категорически отказался иметь дело. «Я им не верю», – отрезал генерал. Вскоре эти поляки действительно вернулись домой[19].

В конце июля 2002 года отряд Хусейна Исабаева, к которому присоединились еще части других групп, выдвинулся в направлении российско-грузинской границы. Этому рейду предшествовал долгий этап подготовки, в которой принимали непосредственное участие грузинские силовики. Силовые структуры Грузии снабдили сводный отряд Исабаева оружием, боеприпасами и картами с обозначенным на них маршрутом, по которому боевики должны были беспрепятственно проникнуть в Чечню…

Официально было объявлено, что группа Исабаева обнаружила себя, совершенно случайно наткнувшись на некоего чабана, который доложил об этом российским пограничникам. На деле же все обстояло совсем не так: информация о времени и месте перехода боевиками границы была передана России грузинской стороной сразу после того, как Исабаев со своей группой выдвинулся из Панкисского ущелья. Таким образом Тбилиси решило продемонстрировать северному соседу свою готовность к участию в борьбе с международным терроризмом.

Генерал и его люди были обречены. Как и следовало ожидать, при попытке пробиться в Чечню группа наткнулась на засаду, устроенную Итум-Калинским погранотрядом. Завязался тяжелый бой, в ходе которого погиб и сам Исабаев, и больше половины его бойцов. Оставшимся боевикам удалось скрыться, вернувшись на грузинскую территорию, однако многих из них в Грузии ждал неприятный сюрприз: они были арестованы силовыми структурами Грузии за незаконное пересечение границы. Вскорости, в очередной раз ведя свою игру и

---

[19] Это были не единственные заложники, в освобождении которых мне пришлось участвовать по просьбе грузинских властей. Мне также довелось принять активное участие в освобождении двух испанских бизнесменов, которых силой удерживали в Панкисском ущелье, и двух югоосетинских предпринимателей, которых освободил Абдул-Малик Межидов, силой забрав их у похитителей.

Кстати, тогда именно я настоял на том, чтобы Абдул-Малик помог освободить этих людей и очистил свое имя, так как похищение осетин приписывали ему (на самом деле их захватил и удерживал бывший подчиненный Межидова Фарнауз Хангошвили). Освобожденных осетин передали в Ахметское отделение МГБ, мгновенно приписавшее эту заслугу себе. Выросший на подобных «подвигах» тогдашний руководитель отделения МГБ Ахметского района Георгий Лордкипанидзе при Саакашвили занял пост заместителя начальника МВД Грузии

пытаясь опровергнуть информацию о своем покровительстве боевикам, грузинское руководство почти всех задержанных передало российской стороне. Часть из них отправили в Москву прямо из тбилисской тюрьмы № 5, а другую часть, которую правозащитным организациям удалось защитить от отправки в Россию и освободить, тайно похитили уже после освобождения и тоже передали России. Стоит ли упоминать, что и эта операция была проведена силами АТЦ МГБ Грузии и что непосредственное руководство ею осуществлял Леван Кенчадзе и его подчинённые Гия и Ливан Габуния?

Дело об экстрадированных в Россию участниках этого перехода не раз упоминалось в СМИ. В частности, информационное агентство «ИТАР-ТАСС» регулярно размещало сообщения о расследовании и направлении в суд Генеральной прокуратурой России уголовного дела в отношении 11 участников нападения на Итум-Калинский погранотряд в июле 2002 года. Именно столько чеченских боевиков Грузия и передала России для того, чтобы оправдаться перед Москвой за свои преступления.

Судя по всему, российская сторона благосклонно восприняла этот шаг и положительно оценила готовность грузинских властей к сотрудничеству. Только так можно объяснить тот факт, что эта крайне неблаговидная для Тбилиси история с «подставой» Хусейна Исабаева получила дальнейшее развитие, и подобные провокации прочно вошли в практику грузинских спецслужб. Пройдет совсем немного времени и грузинская сторона «сольёт» России координаты Руслана Гелаева точно так же, как летом 2002 года передала сведения об отряде Хусейна Исабаева.

Карачаевский джамаат и его эмиры Юсуф Крымшамхалов и Ачимез Гочияев

Среди тех, кто с помощью грузинских спецслужб скрывался от правосудия в Панкисском ущелье, были организаторы взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 года Юсуф Крымшамхалов, Адам Деккушев и Ачимез Гочияев.

Эти лица вместе со своим отрядом проникли в Грузию через Сванетию. Тайком перейдя российско-грузинскую границу, они несколько суток ночевали у грузинских пограничников, пока к ним на встречу не прибыли эмиссары из Панкисского ущелья в сопровождении работников грузинских спецслужб. Прикрытие спецслужб было необходимо, ибо, как уже упоминалось, чтобы попасть из Сванетии в Панкисское ущелье, нужно было миновать два поста российских миротворческих сил: один – на выезде из Кодорского ущелья, второй – при въезде в Зугдиди (Западная Грузия).

Первый отряд, возглавляемый Ачимезом Гочияевым, грузины беспрепятственно пропустили, а вот вторую группу Карачаевского джамаата численностью около 14 человек задержали и впоследствии сдали России, сделав их очередными своеобразными «козлами отпущения». Вторую группу составляли

молодые, необстрелянные добровольцы, тогда как самых ярых террористов из первой партии грузинские спецслужбы пригрели под своим крылом.

Прибыв в Панкисское ущелье, карачаевская группа обосновалась в селении Верхнее Халацани. Они сняли около 5-6 домов под свой отряд и, как и все остальные, начали активную подготовку к «джихаду». Хотя формально они и были отдельным джамаатом, но фактически являлись подразделением, подчиненным Эмиру Хаттабу, и руководство ими осуществлял Амжет, представитель Хаттаба в Панкисском ущелье.

В момент наибольшего благоприятствования в Панкисском ущелье карачаевцы настолько расслабились, что вызвали из России и перевезли в Грузию через Баку своих жен. Это для них стало роковой ошибкой: надеясь, что грузинская сторона ведет «честную игру», они практически подставили своих родственников. Весной 2002 года, когда грузинские власти начали «зачищать» Панкисское ущелье, карачаевцы надеялись, что их самих и их семьи отправят вместе с арабами обратно в Баку, или же в качестве беженцев они попадут в заграницу, однако грузинские спецслужбы полностью блокировали этот коридор для карачаевцев.

У грузинских властей был весьма действенный рычаг управления. Несмотря на то, что абсолютное большинство боевиков появлялось в Грузии с ведома и при помощи местных спецслужб, теоретически попасть в Грузию нелегально можно было и без их помощи. А вот выехать в Россию после нелегального въезда в Грузию, минуя спецслужбы этой страны, уже было невозможно. Нужно было проставить грузинские визы задним числом, а чтобы сделать это, вновь было необходимо обратиться к услугам грузинских спецслужб. Таким образом «круг замкнулся», и карачаевцы попали в полную зависимость от грузинских спецслужб.

Справедливости ради надо отметить, что возможность уехать женам карачаевцев грузинские спецслужбы все-таки предоставили. Один из тех, кто особенно тесно контактировал с ведомствами Автондила Иоселиани (внешняя разведка) и Ливана Кенчадзе (АТЦ МГБ), некто Мусса по прозвищу «Мосол» договорился с грузинскими силовиками, визы были поставлены. Жены карачаевцев уехали, но им это не помогло. Грузины передали сведения об этих женщинах, активно помогавших боевикам, российской стороне, и все они в дальнейшем были обезврежены в ходе спецопераций российских правоохранительных органов: большая часть арестована, некоторые из них погибли при попытке оказать вооруженное сопротивление.

А их оставшимся в Панкисском ущелье мужьям ничего больше не оставалось, как ждать милости от грузинского руководства, начавшего освобождать этот район от боевиков. О том, как проходила та контртеррористическая операция на самом деле, я уже рассказывал. Кстати сказать, тогда предприимчивые грузины умудрились заработать немалые деньги. Американцы выделили на проведение операции 68 миллионов долларов. Арабы за

свое спасение и перевозку в Баку отдали порядка полутора миллионов. Поговаривали, что и за головы выданных боевиков русские спецслужбы тоже выплачивали своим грузинским коллегам приличное вознаграждение в конвертируемой валюте (сумма неизвестна, но ходили слухи о нескольких миллионах долларов).

Понятно, что карачаевцы ничего сравнимого с этими суммами предложить грузинским силовикам не могли. Какого-то оперативного интереса они тоже для Тбилиси не представляли: в распоряжении грузинских спецслужб была масса гораздо более опытных и боеспособных гелаевых, межидовых, ахмадовых, которых, в случае чего, можно было опять отправить в очередной боевой поход. В результате, когда замглавы госбезопасности Грузии Ираклий Аласания, отвечавший за наведение порядка в Панкисском ущелье, договаривался с полевыми командирами о тайном выводе их боевиков из ущелья (при непосредственной помощи спецслужб, разумеется), карачаевцы в этот список не попали. Видимо, уже тогда они были выбраны в качестве жертвы на заклание.

Как сдавали боевиков

В апреле 2002 года прямо в центре села Дуиси грузинским спецназом была устроена засада, в которой участвовали и некоторые чеченцы, помогавшие грузинским спецслужбам. В результате засады был убит кистинец Маргошвили, захвачены в плен его зять – араб Гариб и еще несколько человек. Гариб был гражданином Франции, алжирцем по происхождению, сумевшим к тому времени сколотить свой собственный отряд из числа добровольцев, приехавших из Европы и Турции. Арестованные иностранцы всего несколько дней находились под стражей в Грузии, а затем были переданы США и отправились в американскую тюрьму в Гуантанамо.

В декабре 2002 года грузинские спецслужбы провели очередную полную цинизма операцию, но уже не в Панкисском ущелье, а в Лагодехском районе, на границе Грузии и Азербайджана. На сей раз черед выступить в роли жертвы выпал членам Карачаевского джамаата.

Юсуфу Крымшамхалову и его бойцам казалось, что долгожданная удача наконец-то улыбнулась им: сотрудники грузинских спецслужб согласились переправить их в Баку по тому же маршруту, каким ранее были вывезены арабы с их семьями, а также некоторая часть тесно связанных с арабами чеченских боевиков. Заплатив по две тысячи долларов с человека, карачаевцы в сопровождении грузинских силовиков отправились в путь, не ведая, что фактически оплатили свои похороны. В лесном массиве неподалеку от села Баисубани их ждала засада, устроенная грузинским спецназом. Машину, в которой следовали боевики, без каких-либо предупреждений и предложений о сдаче просто расстреляли в упор из автоматов.

Из пяти членов Карачаевского джамаата, находившихся в автомобиле, чудом уцелел только Юсуф Крымшамхалов – его прикрыли своими телами

остальные участники группы. Выжившего Крымшамхалова вместе с арестованным несколькими месяцами ранее Адамом Деккушевым экстрадировали в Россию, где оба были приговорены к пожизненному заключению.

Пока от правосудия удалось спастись только Ачимезу Гочияеву, которого почему-то в той расстрелянной машине не оказалось.

Долгожданная свобода

В июне 2002 года, после трёхмесячного предварительного заключения, меня освободили прямо в зале суда с формулировкой «за отсутствием доказательной базы». Центр экстремальной журналистики сообщал на своем сайте: «*Одним из самых заметных событий в Грузии стало освобождение из-под стражи решением Верховного суда страны чеченского журналиста Ислама Сайдаева. В марте он был задержан в Тбилиси по подозрению в сотрудничестве с международными террористами. Суд освободил его ввиду недоказанности обвинений. Обращает на себя внимание, что Сайдаев освобожден, несмотря на то, что он был арестован на основании данных спецслужб США. Во время его содержания под стражей неправительственные организации заявляли, что Ислам Сайдаев является журналистом, и в этом качестве мог встречаться с чеченскими полевыми командирами, что не может стать основанием для задержания*».

Оказавшись на свободе, я, тем не менее, по-прежнему оставался в центре политических интриг. В первый же мой день на воле меня пригласили на ток-шоу с участием Эки Хоперия на канале «Рустави-2». Тема, естественно, касалась моего незаконного ареста, который, как ожидалось, станет поводом для громкого разоблачения правительства Шеварднадзе и грузинских спецслужб.

Тогда мне еще было невдомек, что «Рустави-2» уже вовлечена в подготовку «цветной революции» в Грузии, хотя я и знал об оппозиционных настроениях, царящих на телеканале. Мое выступление в эфире должно было стать одним из спусковых механизмов революции, и те, кто меня пригласил, очень рассчитывали на мою горячность и несдержанность. Однако, несмотря на действительно присущие мне порой эмоциональные взрывы, я хорошо понимал, что в случае моих резких заявлений долгожданные часы свободы (а с ними и жизнь) могут быстро закончиться.

Меня пытались спровоцировать, но слишком хорошо зная своих «друзей из спецслужб», я не стал полемизировать с собравшимися, не стал делать громких обвинительных заявлений. Не прошло и 15 минут с начала эфира, когда со словами: «Никаких претензий к властям и спецслужбам Грузии не имею, в суд подавать не собираюсь» я покинул студию, предоставив приглашённым вместе со мной на ток-шоу одному из лидеров оппозиции Ираклию Батиашвили, представителю ЧРИ в Грузии Хизри Алдамову и «эксперту по всем вопросам» Мамуке Аришидзе самим развлекать телезрителей.

Выйдя из здания, где располагался «Рустави-2», я сел в машину, в которой

меня ждали мои друзья – руководитель чеченского отделения «Мемориала» Ибрагим Яхьяев и мой заместитель по Чеченско-Кавказскому Комитету Светлана Кадахашвили. Все вместе мы поехали к члену нашего комитета Гие Цурцумия, в доме которого временно жила Светлана Кадахашвили с дочерью Анжелой.

Время было уже позднее, и мы с Ибрагимом в дом заходить не стали. Тем более, что в доме у Гии, как выяснилось, было застолье, и мы слышали как сам хозяин что-то с кем-то бурно обсуждал. Попрощавшись с дочкой Светланы – Анжелой, мы с Ибрагимом Яхьяевым уехали в селение Телети, расположенное в Гардабанском районе Грузии, где я жил вместе с семьей и родными.

На утро, к нам в Телети заявились сотрудники МВД и меня со всеми товарищами: Маликой Яхьяевой, Ибрагимом Яхьяевым, Светланой Кадахашвили на трех машинах отвезли на допрос в Тбилиси. Мы долго не могли понять, в чем дело, пока не узнали, что накануне ночью, буквально через 15 минут после нашего отъезда, мой заместитель по комитету, руководитель организации «Ветераны Абхазии» Гия Цурцумия был убит. Причиной его смерти стал профессиональный укол острым предметом в сердце…

Эта новость потрясла нас до глубины души, ведь Гия был нашей опорой во всех делах. Пока я сидел в тбилисской тюрьме, именно Гия Цурцумия активнее всех собирал подписи под призывами о моем освобождении. Он часто передавал мне в тюрьму передачи, используя свои знакомства, чтобы обойти ограничения, установленные тюремными правилами.

Как сказал мне позднее один из представителей органов, сначала дело об убийстве хотели повесить на меня, но власти по достоинству оценили мое «хорошее поведение» на канале «Рустави-2», и дело пришили Анжеле Кадахашвили. А меня еще год и семь месяцев заставляли по два раза в неделю отмечаться в районном отделении полиции, где все это время я находился под надзором…

В то время со мною в Грузии была моя семья: мать, отец, брат, жена. Я хорошо понимал, что может с ними произойти, если я начну говорить правду. Тем более, что «компетентные органы» с меня фактически не спускали глаз. Белая «Нива» с затемненными стеклами постоянно дежурила на близлежащем холме неподалеку от нашего дома. Иногда было заметно, как сидящие внутри соглядатаи ведут наблюдение за нашим домом при помощи бинокля.

Однако этим мои проблемы не исчерпывались. Запущенный грузинскими спецслужбами слух о моих связях с ГРУ, как я уже говорил, многими моими недоброжелателями был воспринят всерьез. Вскоре после моего освобождения меня вызвали на шариатский суд в Панкисское ущелье Грузии для рассмотрения этого вопроса. Зная на примере Мовлади Раисова[20], что такое шариатский суд в

---

[20] **Мовлади Раисов –** полевой командир, бывший заместитель главы Национальной службы безопасности ЧРИ. В мае 2001 года приехал в Панкисское ущелье на шариатский суд для разбора своей ссоры с Магометом Цагараевым. На следующий день был найден с перерезанным горлом

исполнении братьев Ахмадовых, я в Панкиси не поехал, сославшись на то, что не имею права покидать место жительства без письменного разрешения судьи (что, кстати, было сущей правдой).

Однако, выждав какое-то время, я сам тайком посетил Панкисское ущелье, чтобы встретиться с Абдул-Маликом Межидовым и разъяснить ему ситуацию.

Первая реакция Абдул-Малика мне показалось очень странной. Он не только побоялся пожать мне руку, но даже остерегался приближаться ко мне, что было весьма странно для такого бесстрашного человека и легендарного командира. Более того, в ходе всей нашей встречи в комнате неотлучно присутствовали двое его телохранителей, хотя ранее такого никогда не было. Я попытался рассказать ему, что со мною поступили несправедливо и что мне нужно, чтобы он как один из уважаемых эмиров принял участие в разборе этого дела, но Межидов не стал меня слушать, а начал плести какую-то несусветную чушь, порой доходившую до нецензурщины. Не буду полностью передавать наш разговор, вкратце смысл его слов заключался в следующем: сотрудники МГБ Грузии сказали ему, что я работаю на ГРУ, и что меня следует расстрелять.

– Так в чем же дело? – не выдержав, вспылил я. – Я же здесь, перед тобой – сделай то, что должен! - бросил я Абдул-Малику.

Он пробурчал в ответ, что всегда действует строго по шариату, а я, якобы, знаю это и поэтому такой смелый. Но в конце добавил, что если я стану его моджахедом, то он меня защитит от Ахмадовых. Эти последние слова заставили удивиться не только меня, но и его охрану. Телохранители с недоумением смотрели на Абдул-Малика, который только что меня обвинял чуть ли не в «куфре», в предательстве мусульман в пользу неверных, и тут же призывал меня, грешного, заслуживающего страшной кары, стать его моджахедом.

Мне, к сожалению, все стало понятно.

– Вся сила и мощь принадлежит одному Аллаху, и достаточно мне Аллаха Покровителем! – ответил я Межидову и ушел.

После этого я сам подал в шариатский суд на Ахмадовых, обратившись к одному из судей, который тогда разбирал подобные дела – бывшему имаму Урус-Мартановской мечети, к мнению которого прислушивались ахмадовцы. Но суд так и не состоялся, поскольку братья Ахмадовы к этому времени уже тайком передислоцировались в Баку и Стамбул.

Позднее в Панкисском ущелье я встретил и одного из «вершителей судеб» группы Ахмадовых, который мне заявил буквально следующее:

– Ты нас предал! Если бы мы тебя встретили чуть раньше, то это была бы для тебя последняя встреча.

На это я ответил, что нисколечко в этом не сомневаюсь, зная его репутацию.

– Но ведь и сейчас не поздно сесть и разобраться, кто прав, а кто виноват, - предложил я.

Согласия от братьев Ахмадовых я так и не дождался…

Накануне «Революции роз»

Наступил 2004 год. Мое дело, наконец, закрыли. Но мое положение от этого не стало лучше. Я окончательно прекратил вести какую-либо деятельность, связанную с чеченскими беженцами или с чеченской войной. В Панкисском ущелье я и вовсе не появлялся, жил как обычный гражданин Грузии, снимая квартиру в Тбилиси. Отдельные попытки вернуть меня в общественную жизнь в качестве чеченского общественного деятеля, изобличающего «российские козни» против Грузии, продолжали предприниматься. Однако, история предательства, произошедшего со мною и с другими чеченцами, наглядно показала мне, кто есть друг, а кто – враг. Последующие события меня только укрепили в этих выводах.

Время от времени я ходил на некоторые общественно-политические мероприятия, связанные с беженцами, хотя основное время у нас уходило на встречи с адвокатами и политиками по делу Анжелы Кадахашвили. Обвинительный приговор, вынесенный грузинским судом дочери члена нашего комитета, не раз опротестовывался нами в вышестоящих инстанциях, однако тех возможностей влиять на ситуацию, что было прежде, у нас уже не было, и результат от нашей деятельности оставался нулевым: дочь Светланы – Анжела Кадахашвили исправно «тянула свой срок».

Наш Чеченско-Кавказский Комитет Грузии уже успел поучаствовать в качестве наблюдателей на выборах президента и парламента Грузии в Панкисском ущелье, где я возглавлял международную наблюдательную группу и умудрился настроить против себя «Национальное движение», назвав сорванные выборы легитимными. Я это сделал по двум причинам: во-первых, я понимал, что дебош на избирательном участке в селении Дуиси – это инсценировка сторонников «Национального движения», а во-вторых, меня очень попросил об этом Хизри Алдамов. В итоге готовый протокол, в котором все наблюдатели зафиксировали, что выборы сорваны, я передал Хизри Алдамову, когда вылез через окно школы, где проходило голосование. Мне пришлось выбираться через окно, так как входные двери на избирательный участок были заблокированы «националами», которые спровоцировали беспорядки, разбили урны и порвали часть бюллетеней.

Отдав Алдамову документ, с которого, по замыслу организаторов, должна была начаться «революция роз», я серьезно настроил против себя будущих хозяев Грузии, ведь они надеялись, что именно с Панкисского ущелья начнется свержение действующей власти. Однако, хоть я и не стал им подыгрывать, революция все же произошла, и не без участия чеченского элемента. В «штурме» парламента Грузии, из которого выдворили Э.Шеварднадзе, участвовали чеченцы-кистинцы из числа тех боевиков, что были связаны со спецслужбами Грузии. Ими руководил Петри Цицкаришвили, который, являясь протеже спецслужб, рвался во власть, и ему уже было обещано «теплое местечко» при новом режиме.

Меня еще долго уговаривали присоединиться к «Национальному

движению», лидеры которого активно использовали тезис об оказываемом им покровительстве Госдепом США, но я не согласился, так как к тому времени ясно осознал всю пагубность прихода в Грузию американцев. Мой опыт общения с «заокеанскими партнерами» показал, что именно Россия, а не Америка является истинным союзником мусульман, а самое главное, что чеченцы никому больше не нужны, кроме России. И что все это время, в девяностых и двухтысячных годах, мы были лишь пешками в руках у Збигнева Бжезинского и подобных ему геополитических игроков, ратующих за бесконтрольную и полную гегемонию США в мире.

Шпионский скандал

Где-то в мае 2004 года я решил отправить жену и дочь в Грозный, так как содержать семью уже не было никакой возможности. Я находился в блокаде, как со стороны чеченцев, которым было плевать на мою судьбу, так и со стороны грузин, которым я был нужен лишь в качестве «тарана» против России.

Так как паспорт жены загадочно исчез в ходе одного из многочисленных обысков, я решил на свой страх и риск встретиться с представителем посольства России в Грузии и попросить о помощи в отправке моей семьи на родину. При этом я хорошо понимал, что это может быть хорошим поводом для моих врагов в грузинских спецслужбах, которые не упустят шанс меня подставить. Достаточно было одной фотографии, запечатлевшей меня у входа в посольство, чтобы со мной расправились ахмадовцы или иные радикально настроенные боевики, причем уже без всякого «шариатского суда». Зная это, я позвонил в российское посольство в Грузии с телефонного номера, который мне достался мне от моего товарища, переехавшего в Канаду. И я не ошибся, решившись рискнуть: где-то в течение двух недель моя семья уехала домой.

Заметно успокоившись, я полностью отошел от дел, переехав в селение Гамарджвеба, что в пяти километрах от Тбилиси, где вместе со Светланой Кадахашвили поселился в доме у Бориса Какубавы, бывшего тогда депутатом грузинского парламента.

Дружба с Борисом Джотовичем у меня завязалась еще в 2001 году, когда с него были сняты обвинения в покушении на Эдуарда Шеварднадзе, и он вернулся из Москвы в Тбилиси[21]. Осознавая всю пагубность происходящего в Чеченской Республике, где шла кровопролитная братоубийственная война, я решил задействовать связи Какубавы, пользовавшегося серьезным авторитетом в общественно-политических кругах, для организации переговоров между чеченскими командирами и руководством России. Мы с Ибрагимом Яхьяевым и Светланой Кадахашвили обратились к нему с просьбой содействовать

---

[21] В 1998 году Борис Какубава был вынужден бежать из страны, после того, как грузинские власти назвали его одним из участников покушения на Эдуарда Шеварднадзе, которое, согласно распространённой тогда версии, организовал бывший глава МГБ Грузии Игорь Гиоргадзе

проведению переговоров между Русланом Гелаевым, находившимся тогда в Панкисском ущелье, и российскими властями. Борис Джотович с готовностью согласился принимать участие в организации переговорного процесса, и не его вина, что этой инициативе не суждено было реализоваться[22].

После той встречи мы продолжили тесно общаться с Борисом Какубавой и вскоре стали близкими друзьями. Борис Джотович, видя мою осведомленность в делах, организовал мое вступление в возглавляемую им партию «Беженцы Грузии» и сделал меня своим советником по межнациональным и межконфессиональным вопросам.

Отправив последнего из своих друзей в Канаду, а семью – в Россию, в конце концов, я окончательно переселился к Борису, в доме которого мы сообща решали наши проблемы, искали пути выхода из сложившейся сложной геополитической ситуации, как в Грузии, так и на всем Кавказе. Борис часто выезжал из страны по вопросам бизнеса, так как для ведения независимой от руководства Грузии политики он был вынужден зарабатывать деньги, чтобы самостоятельно финансировать свою партию.

Я все это время, пока Борис находился в командировках, оставался со Светланой Кадахашвили и другими членами семьи Бориса в селении Гамарджвеба.

Шло время, и где-то осенью, в октябре или ноябре 2004 года, мне позвонил человек, назвавшийся работником посольства Российской Федерации в Грузии, и попросил о встрече. Памятуя о том, что когда-то Руслан Гелаев уполномочил меня поддерживать контакты с российской стороной, и к тому же являясь еще и общественно-политическим деятелем Грузии, я с легкостью согласился, не видя в этом никакой угрозы. Вероятно, меня расслабила жизнь в доме у Бориса, и я потерял былую осторожность.

Наша встреча с Владимиром Соколовым, а именно так представился представитель российского посольства, состоялась напротив здания парламента Грузии, на улице Руставели, где обычно много полицейских и работников спецслужб. Это, с одной стороны, было своеобразной страховкой для меня, но и сам Соколов не стал отказываться от публичного места встречи. Видимо, для общения с такими, как я – журналистами «с подмоченной репутацией» – многолюдное место считалось более предпочтительным.

Встретившись и пожав друг другу руки, мы чуть прогулялись по проспекту Руставели, а затем вошли в одно кафе, где и приступили к беседе.

– Почему вы вышли на меня? – сразу спросил я Соколова, едва мы сели за столик.

---

22 Гелаев тогда отказался участвовать в переговорах, сославшись на то, что Аслан Масхадов и без этого постоянно обвинял его в попытках вести переговоры за спиной «официального» руководства Ичкерии. Но он уполномочил наш Комитет и меня лично продолжить контакты с российской стороной по вопросу поисков выхода из создавшейся тупиковой ситуации

– Александр Сергеевич, ранее занимавший в посольстве тот пост, который теперь занимаю я, рекомендовал Вас как человека разумного, с которым можно общаться, – без тени смущения ответил Соколов.

Я, конечно, сразу понял, что Владимир «ошибся номером». Я уже упоминал, что мне по наследству достался телефон, ранее принадлежавший моему заместителю, уехавшему в Канаду. Позвонив по этому номеру, Соколов решил, что он это я, и я не стал переубеждать его в обратном. Я и раньше был осведомлен о контактах моих товарищей с российским посольством, некоторые из них меня об этом рассказывали сами и даже получали мое одобрение, другие делали это тайно, считая, что я об этом не узнаю.

Лейтмотивом этой нашей встречи с Владимиром Соколовым, да и последующих подобных встреч (всего их было пять), стал поиск выхода из затянувшегося чеченского конфликта. Владимир интересовался, с кем из боевиков и руководителей НВФ можно вести переговоры, хотят ли беженцы возвращения, как они отреагируют на поставку гуманитарной помощи в Панкисское ущелье из России и т.д. Некоторые мои рекомендации, как я понял из дальнейших событий, были ими приняты во внимание.

Все бы шло хорошо, и мы еще много позитива смогли бы внести в дело решения конфликта, возвращения беженцев и боевиков на родину, если бы не моя глупость. Одному из моих друзей, которого я так воспринимал по своей наивности, я рассказал о том, что у меня имеется контакт с посольством России в Грузии, и что я могу помочь ему в возвращении на родину. На поверку оказалось, что мой «друг» был связан с грузинской контрразведкой, которая как раз в это время по указанию Саакашвили и его патронов из США, усиленно искала повод для шпионского скандала.

После одной из подобных встреч с Владимиром Соколовым, произошедшей в кафе рядом с нашим офисом на площади Свободы в Тбилиси, я, уезжая домой, заметил за собой слежку. Контрразведка работала настолько паршиво, что даже мне, при всяком отсутствии соответствующей профессиональной подготовки, не составило труда понять, что за мною следят. Однако тогда я еще не понимал, кто это такие. Честно говоря, помня о старых проделках грузинских спецслужб, я подумал, что эти люди, не раз пытавшиеся меня устранить как свидетеля, решили завершить свое грязное дело.

Бориса Какубавы тогда не было в Грузии, чтобы обратиться к нему за помощью, тогда я решил поднять старые связи и встретиться с Мамукой Майсурадзе или с Зазой Цурцумия. Встретившись с Зазой в ресторане «Макдональдс» на проспекте Руставели, я изложил ему суть дела и сказал, что боюсь, что за мной охотятся, но я не понимаю кто. Возможно, сказал я ему, это мои некие старые враги.

– А после чего ты заметил слежку? – поинтересовался Заза.

– Сразу после встречи с представителем посольства России, – беззаботно ответил я.

Бедный Заза чуть не поперхнулся гамбургером после этих слов и посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Да ты что?! – понизив голос, второпях заговорил он. – Ты знаешь, что сейчас здесь происходит? Мишка натравил своих ищеек, везде ищут врагов народа! Я даже боюсь с тобой об этом говорить. Это очень серьезно. Я тоже могу пострадать из-за того, что с тобой встречался! – пытался вразумить меня мой товарищ, не скрывая своего волнения.

– Не беспокойся, на этот раз хвоста не было, – пошутил я. – Я ушел профессионально. Я тоже в детстве смотрел фильм про Штирлица, – продолжал веселиться я.

Пытаясь успокоить своего товарища, я еще не осознавал всю серьезность и опасность ситуации, в которой оказался.

– Помнишь тот случай, когда твое начальство заказало меня Ахмадовым? Тогда ведь я тоже ушел, и, как видишь, жив-здоров! – сказал я, напоминая о подставе, которую мне организовало руководство МГБ.

– Да, я до сих пор удивляюсь, как ты остался жив! – покачал головой Заза и, встрепенувшись, добавил: – Я тебе клянусь, что я там не причем, это Мамука, этот идиот, влез в игру, которая чуть не погубила и нас, и его самого! – сказал Заза, напоминая о покушении Ахмадовых на Мамуку Майсурадзе и его товарищей из МГБ.

– Короче, передай Ливану, что он у меня в долгу за то, что я молча отсидел в тбилисской тюрьме, – заявил я. – Я его не сдал и молчу до сих пор. Пусть теперь Ливан решит эту проблему, – выдвинул я свое требование, хотя знал, что к этому моменту он был уже в отставке.

Выходя из «Макдональдса» и прощаясь с Цурцумией, я сказал:

– Помнишь когда-то ты мне сказал, что нам нужна хорошая «крыша» в Грузии и предложил «вербануться»? Помнишь, что я тебе сказал?

– Помню, конечно, – кивнул Заза. – Ты сказал, что твоя крыша – это Аллах!

– И что ты сейчас об этом думаешь? – спросил я его.

– Я думаю, что если ты и на этот раз выкрутишься из ситуации, то мне пора менять веру, – сдался Заза.

– Тогда готовься к обрезанию! – уверенно заявил я, и мы оба громко расхохотались.

Прошла еще неделя. Я отправился в Тбилиси, в интернет-кафе, что находилось прямо на станции метро «Авлабари». При выходе оттуда я обнаружил стоящих у выхода троих сотрудников АТЦ, тех самых, что осуществляли мой арест в Телави в 2002 году. «Вот и снова ангелы смерти по мою грешную душу», – подумал я. Пытаться скрыться было бессмысленно, и я направился прямиком к ним.

– Какими судьбами? – поздоровавшись, поинтересовался я.

– К нам поступило сообщение, что какой-то араб копается в интернете и

читает новости про Аль-Каиду и Басаева, – поделился один из них.

– А что, уже и новости читать запрещено? – успокоившись, пошутил я. Сразу стало понятно, что этим «арабом» был я.

– Нет, просто мы проверяли, – улыбнулся мне все тот же парень. – Мы же не знали, что это ты!

– Раз мы уже встретились, я бы хотел вас кое о чем попросить, – сказал я, и поведал этим троим о выявленной мной слежке. – Я беспокоюсь, не хотят ли меня похитить террористы, которые угрожали меня убить еще в бытность их в Панкисском ущелье, – объяснил я им причину своего беспокойства.

– Но если это вы следили, то спасибо за охрану! – шутливо добавил я. – И будьте поаккуратней: кто знает, что можно ожидать от «левой руки» бен-Ладена?! – съязвил я напоследок.

Однако, судя по лицам, им было не до шуток, они восприняли эту новость серьезно и пообещали узнать, кто из спецслужб Грузии мог осуществлять за мной слежку.

Где-то дня через три, эти же трое оперативников приехали ко мне в Гамарджвебу и заявили, что начальство просит меня проехать с ними. Я долго отпирался, памятуя о том, что оттуда просто так не возвращаются. Однако они настаивали, и дали мне телефон, чтобы я мог поговорить с их руководством. Я набрал номер и поговорил с их начальником. На мою просьбу представиться, он сказал, что мы хорошо знакомы. Голос и действительно показался мне отдаленно знакомым, но кому он принадлежит, я тогда вспомнить так и не смог. Уже позднее я с ужасом понял, с кем мне довелось беседовать по телефону: это был мой заклятый враг Гия Габуния, который к тому моменту уже дорос до должности руководителя АТЦ Департамента госбезопасности МВД Грузии[23].

На мою беду дома я был один, так как незадолго до их визита Светлана отправилась к дочери в тюрьму. Я догадался, что они как раз и ждали такого момента, чтобы не было свидетелей. Делать было нечего, я сел в их автомобиль и отправился с ними. Моя тревога усилилась, когда мы подъехали к заднему входу к зданию АТЦ бывшего МГБ, что на проспекте Важа Пшавела. Теперь оно уже называлось МВД Грузии, и в нем безраздельно властвовал Вано Мерабишвили, который по примеру Лаврентия Берия объединил почти все силовые структуры под единым руководством. Одно это говорит о том, что его целью было установление полного диктата над страной, а не демократическое переустройство Грузии.

После въезда во двор МВД, меня проводили на третий этаж здания и завели в кабинет заместителя министра Георгия Лордкипанидзе. Это был тот самый Лордкипанидзе, который сделал карьеру на совместных с членами НВФ

[23] В 2004 году, сразу же после прихода к власти Михаила Саакашвили, Министерство государственной безопасности Грузии в качестве самостоятельного ведомства было упразднено, став одноименным департаментом в системе министерства внутренних дел, возглавляемого одним из соратников нового президента Вано Мерабишвили

похищениях и инсценировках освобождения заложников в Панкисском ущелье. Кстати, одним из тех, кого так «похитили, а потом освободили» был Петри Цицкаришвили, после чего он из невзрачного парламентера превратился во всемирно известного политического деятеля, перенесшего «жестокий плен террористов».

– Кто ты такой? Как ты относишься к чеченскому сопротивлению? Как ты относишься к России? Каково твое отношение к новому руководству Грузии? – сразу же засыпал меня вопросами замминистра.

– Мне было бы легче разговаривать с Вами, если бы Вы сначала ответили на эти вопросы сами, – ответил я, начиная понимать, что происходит. – А то Вы говорите одно, думаете другое, а делаете третье, – добавил я, вспомнив слова, которыми когда-то описали Эдуарда Шеварднадзе.

Впрочем, видя его нарастающее раздражение, я решил все-таки ответить первым.

– Я Сайдаев Ислам, чеченец по национальности, с 2001 года гражданин Грузии, – монотонно начал рассказывать я. – Советник депутата парламента Грузии Бориса Какубавы, заместитель председателя Союза мусульман Грузии, руководитель Чеченско-Кавказского Комитета Грузии…

– Кого вы ко мне привели?! – перебив меня, взорвался Лордкипанидзе. Вопрос был адресован кому-то, стоящему за моей спиной.

– Да я же Вам говорил о нем! – раздался ответ откуда-то сзади. Именно с обладателем этого голоса я совсем недавно разговаривал по телефону. Только когда этот человек вновь заговорил и вышел у меня из-за спины, я понял, что это Гия Габуния. Далее они перешли на мегрельскую речь, чтобы я не понял смысл их разговора.

В это время зашли еще два человека и принесли какую-то видеокассету. Я уже начал догадываться, что сейчас мне продемонстрируют мою встречу с Соколовым. Так и было. Они включили пленку, что-то объяснили Лордкипанидзе. Он кивнул и повернулся ко мне.

– Кто это на пленке? – спросил меня Лордкипанидзе.

Скрывать мне было нечего.

– Это я и Владимир Соколов из российского посольства, с которым я не раз встречался как руководитель общественного движения Чеченско-Кавказский Комитет Грузии, – невозмутимо ответил я. – Как видите, я не скрывался, и делал это открыто…, - пытался продолжить я, но договорить мне уже не дали.

Георгий Лордкипанидзе схватил со стола толстенную папку с документами, объемом не менее 500 страниц, и наотмашь ударил ею меня по голове.

– Где и когда тебя завербовали русские спецслужбы? – заорал он, продолжая лупить меня по голове размашистыми ударами. – Говори, кто из русских тебя завербовал?

Я попытался прикрыть голову, но двое из присутствующих схватили мои руки и крепко прижали к столу. Габуния вместе с кем-то еще начали осыпать

меня градом ударов, пока я не свалился на пол.

– Отвечай, кто тебя завербовал? Когда ты начал работать на русское ГРУ? – орали они уже хором, избивая меня ногами. Я пытался все отрицать, говорить, что ничего не было, но удары все сыпались, и сыпались.

– Ладно, ладно, – согласился я. – Я расскажу все, как есть.

Мои мучители расступились, я с трудом поднялся и снова сел на стул.

Впрочем, в чем мне было признаваться? Я снова начал рассказывать историю моей встречи с Соколовым, но они не стали меня слушать.

– Он думает нас обмануть! – вновь закричал Лордкипанидзе. – Он не знает, с кем имеет дело. Это контрразведка Грузии и у нас есть доказательства твоего предательства Грузии!

Меня снова повалили на пол и опять стали бить ногами. После очередного удара, перехватившего дыхание, я начал терять сознание. Чувствуя, что моя душа вот-вот выскочит из тела, я еле слышно произнес: «Ла Иллаха Иллах!»

Странно, но эти слова возымели на них больше впечатления, чем все мои оправдания.

– Он ничего не скажет, я их знаю, – устало сказал Лордкипанидзе, вероятно имевший большой опыт подобного рода бесед. Меня вновь усадили за стол, когда в кабинет зашел бывший глава МГБ при правительстве Абхазии генерал Ливан К. Я сразу понял, что пришло мое спасение.

Что-то сказав Ливану по-мегрельски, все проводившие допрос удалились из кабинета, оставив нас наедине.

– Ты хоть знаешь, в какой переплет ты попал? – участливо спросил меня мой старый знакомый. – Как ты мог такое сделать? Неужели ты не знаешь, какая политика в Грузии? Я не знаю, как тебе помочь. Единственное, что я могу сделать – это поручиться за тебя, и то из-за того, что ты в свое время помог нам решить проблему в Панкисском ущелье. Если бы не я, этого разговора вообще бы не было. Ты бы лежал где-нибудь в канаве! – сказал Ливан К. и я понял, что Заза Цурцумия передал ему наш разговор.

– Ты должен будешь им все рассказать, как есть, и делать все, что они от тебя потребуют, – продолжил уговаривать меня Ливан. – Другого выхода из этого кабинета нет, ты ведь сам это знаешь.

В этот момент я вспомнил слова Адама Пашаева, который как-то сказал: «Когда попадаешься – надо на все соглашаться, чтобы выйти на свободу и потом уже думать что делать!». Я понял, что если не соглашусь на их условия – сгину в этом здании, как сгинул и сам Адам Пашаев.

– Хорошо, – сдался я. – Но никакими доносами на чеченцев я заниматься не буду, и ни на какие вопросы по деятельности Бориса Какубавы отвечать не стану! – поставил условие я.

Ливан К., попрощавшись со мною, вышел. Через мгновенье в кабинет вернулась вся предыдущая свора, но теперь уже они вели себя совершенно иначе, пытаясь со мню разговаривать как с равным, и шутить.

Откровения Гии Габунии

Эту ночь я просидел в подвале АТЦ. Мои мучители хотели меня оставить в кабинете, но я сам попросился в камеру, так как это могло стать единственной зацепкой для моей реабилитации в дальнейшем. Хорошо зная Гию и его повадки, я понял, что они готовят грандиозную подставу, и уже решил, как мне действовать. Поняв, что нужно оставить хоть один след о моем пребывании в АТЦ, я попросился в камеру, где был журнал регистрации. На удивление там оказался все тот же охранник, что был там и в 2002 году, в момент моего ареста. Меня зарегистрировали в журнале КПЗ, и это, пожалуй, единственное подтверждение того, что в ту ночь я был в здании МВД.

Утром меня повели в кабинет Гии Габунии, он подсунул мне подписку о сотрудничестве. «Вот она, подстава!», – подумал я, глядя на эти бумаги: в них не было указано, с какими именно спецслужбами я соглашаюсь сотрудничать. На месте, где нужно было указать наименование спецслужбы, оставалось пустое место, а мне было велено писать под диктовку Гии с новой строки.

Помню, про себя я подумал в тот момент: «Да, Гия, ты просто Шарапов!», вспомнив похожую ситуацию из знаменитого кинофильма «Место встречи изменить нельзя». В конце текста я поставил подпись, но дату мне велено было не указывать. В принципе, в этот документ можно было позднее вписать все, что угодно: «ГРУ», «ЦРУ» или «Моссад».

Я пытался делать вид, что ничего не понимаю, а Гия ехидно улыбался, довольный собой, и даже начал рассказывать мне такие истории, из которых я понял: меня уже приговорили. В противном случае, он бы не стал со мной так откровенничать.

– Это для страховки, чтобы ты от нас не сбежал. Хотя от нас ты и так не сбежишь, – приговаривал Габуния, завершая оформление документов. – Я тебе гарантирую, что малейшее твое неподчинение или всего лишь попытка говорить о том, что здесь с тобой было, и мы сразу же дадим на тебя информацию в Чечню и такую, что там уничтожат всю твою семью.

– Ты помнишь Мовлади Раисова, которому перерезали горло? Это тоже наша работа, – продолжал он свои откровения. – Была бы моя воля, я бы тебя давно отдал Ахмадовым. «Человека в черном» знаешь? Того, кто приводит в исполнение приговоры шариатского суда? Один звонок ему в Баку – и он будет здесь: он у нас в долгу за пару ФСБэшников. Ума не приложу, как ты ушел от них в прошлый раз?! Увайс очень был тобой не доволен! – довольно хмыкал Гия, упиваясь своей властью надо мной.

Я молчал, боясь хоть словом нарушить ход его размышлений вслух. Хотя внутри у меня все бурлило, и я еле сдерживался, чтобы не броситься на него и не перегрызть ему глотку. Но нужно было терпеть. Терпеть ради того, чтобы гнусные преступления этой власти не канули в лету.

От напряжения у меня даже слезы появились в глазах.

– Что, больно? – спросил Гия, решив, что я плачу от побоев, которые они мне нанесли.

– Да! – ответил я и показал в область сердца. – Вот здесь больно.

Но Гию Габунию мое состояние не интересовало. Он продолжал упиваться своим всевластием.

– Мы вас, шакалов, многих завалили! – презрительным тоном продолжал он свой рассказ. – Помнишь Гариба, Крымшмхалова? И тебя ждет та же участь, если не будешь следовать нашим указаниям! Мы тебя так уничтожим, что даже твой труп погребать не захотят. Мы тебя представим мертвым в голом виде, в одной постели с мужиком. Уж поверь мне, не ты первый, и не ты последний. Все, что ты делал до этого, весь твой «джихад» пойдет «коту под хвост». Весь твой род от тебя отвернется, и не только твои братья-мусульмане. В общем, я думаю, ты понял? – закончил Гия свою «пламенную речь».

– Конечно, понял, – коротко ответил я.

– И тебе еще раз повезло, что ты попался не мне, а контрразведке, и теперь будешь работать с ними. Сделай так, чтобы ты мне больше не попадался – в третий раз ты от меня не уйдешь, – предупредил Гия.

После подписания необходимых бумаг мне принесли заранее составленный текст, который я выучил и рассказал на камеру. Я признавался, что был завербован работником российского посольства Владимиром Соколовым, который, угрожая убийством моих родных, склонил меня к сотрудничеству в пользу России. Хотя на самом деле все было в точности до наоборот. Один из сотрудников контрразведки по имени Георгий сказал, что эта кассета – их гарантия моей лояльности.

– Если что-то пойдет не так, то эта кассета уйдет к Ахмадовым за десять штук, как ушли и другие кассеты на тех, кто не хотел с ними сотрудничать. Увайс щедро платит за компромат, – добавил Георгий.

На второй день после всех записей и подписей, меня отпустили домой.

Надо сказать, что мне снова помог Всевышний Господь, дав мне время принять решение и подготовить защиту. Почти два месяца меня спецслужбы не беспокоили. Но не потому, что обо мне забыли, а потому что случилось ЧП, на «расследование» которого были брошены все работники спецслужб – 3 февраля 2005 года при невыясненных обстоятельствах погиб бывший председатель парламента Грузии, один из организаторов «революции роз» Зураб Жвания. Это дало мне возможность описать во всех подробностях все, что со мною произошло, и подать заявления в ряд правозащитных организаций через своего адвоката, а также предпринять ряд и других шагов по обеспечению своей безопасности.

После гибели Жвании я еще больше удостоверился в возможностях спецслужб этой страны, в том числе и Гии Габунии. Ведь сразу же по всей Грузии была распространена информация о том, что трупы Жвании и его друга вице-губернатора края Квемо Картли Рауля Юсупова нашли в голом виде, одетых в некие «кожаные аксессуары», которые используют гомосексуалисты в своих

эротических играх. На серьезном уровне даже обсуждался вопрос, что его не будут отпевать в церкви, и по нему не будет устроен заупокойный молебен. Скорее всего, подбор мнимого бой-френда Жвании тоже был не случаен, так сказать, с расчетом на «исторические ассоциации»: всему миру известно, что князь Юсупов, убивший Распутина, тоже был гомосексуалистом.

Может быть и я бы поверил в эти гомосексуальные «сказки», если бы Жвания стал первым, о ком раздували подобные слухи, и если бы Гия Габуния до этого не стал бы со мною откровенничать. Однако экс-премьер был не первым подобным «гомосексуалистом». После убийства нашего товарища, корреспондента «Радио Радикале» Антонио Руссо в 2000 году, о нем тоже стали распускать слухи, будто бы он был «голубым» и наркоманом. А в том, что за убийством Антонио стояли грузинские спецслужбы, лично у меня нет никаких сомнений.

Итак, у меня было некоторое время, чтобы собраться с мыслями и силами, а также дождаться возвращения в Грузию из очередной поездки Бориса Какубавы, который, несмотря на мои обращения к адвокатам и в правозащитные организации, стал моим основным защитником в моей борьбе со спецслужбами.

Тем не менее, в ожидании возвращения Бориса Джотовича мне все же пришлось несколько раз по заданию спецслужб встречаться с В.Соколовым. Каждый раз перед такой встречей мне в галстук вмонтировали мини-камеру, которая вела запись всех наших бесед, однако ничего интересного для контрразведки на этих встречах не происходило: все наши разговоры с Соколовым, в сущности, оказались совершенно безобидными. К величайшей досаде грузинских спецслужб, в результате всех этих действий у них на руках так ничего и не появилось кроме выбитого из меня силой признания.

Видимо, окончательно разуверившись в возможности раздуть с моей помощью очередной шпионский скандал, контрразведчики решили испробовать меня на другом поприще. Они дали мне новое «задание», которое, как ни странно, и стало поводом для моего окончательного разрыва с грузинскими спецслужбами.

Это произошло накануне приезда в Грузию президента США Джорджа Буша. Георгий из контрразведки (фамилию его я так и не узнал) вызвал меня на конспиративную квартиру и сообщил, что, по их сведениям, Хизри Алдамов хочет организовать некую акцию по случаю приезда Буша и передать американскому президенту какую-то «петицию». Мне поручалось узнать, кто инициатор этого мероприятия и что хотят передать главе Белого дома.

К моему счастью, к этому времени домой вернулся Борис Какубава, которому я, естественно, все рассказал. Теперь, при его поддержке, я уже мог начинать бороться. Когда в очередной раз мне позвонил Георгий, я ему заявил: «У нас был договор – никаких сведений о чеченцах. Вы нарушили свое слово, поэтому и я нарушаю свое!». И я тут же сообщил ему, что все подробности моей «вербовки» я изложил на бумаге и передал эти документы правозащитникам и адвокатам. В случае каких-либо силовых действий с их стороны, дело получит

широкую огласку, предупредил я.

Обратная реакция не заставила себя ждать. Правда, скорее всего, их напугал не мой демарш, а вмешательство в это дело Бориса Какубавы. Меня буквально уговорили вновь приехать в МВД и переписать все бумаги, включая мои показания. Дескать, это не они меня задержали в результате спецоперации, а я сам пришел и заявил о попытке моей вербовки со стороны ГРУ. После трех часов уговоров я согласился, но только с одним условием: ни обстоятельства этого дела, ни мои показания никогда не будут использованы. Георгий клятвенно заверил меня, что документы и видео будут уничтожены.

Но слово свое они, конечно же, не сдержали. В 2007 году, во время очередного шпионского скандала, эти материалы все-таки были обнародованы. В это время я жил в Панкисском ущелье в лагере беженцев, и после демонстрации моего «признания» по телевидению меня мгновенно разыскали представители Ахметского отделения УВКБ[24] ООН в Грузии. Их предложение было весьма заманчивым: они готовы были сразу же отправить меня со всей семьей в Канаду, если я подтвержу свои показания о том, что меня пытались вербовать российские спецслужбы. Я им на это ответил, что документы, в которых я изложил эту ситуацию во всех подробностях, в ООН уже имеются.

– Это была инсценировка спецслужб Грузии от начала до конца, – повторил я. – Признание, которое вы видели по ТВ, было сделано под давлением грузинских спецслужб, а не российских.

– Но ты же патриот? – удивленно сказала мне Изо (так звали представителя ООН, которая ко мне приходила). – Ты же не будешь об этом говорить открыто?

Пожалуй, это был не столько вопрос, сколько предупреждение, ведь большинство работников УВКБ ООН в Грузии также были довольно тесно связаны со спецслужбами этой страны. Мы расстались ни с чем. Так я упустил свой последний шанс «бежать в Америку через канадскую границу».

Приезд Дж. Буша-младшего в Грузию

В мае 2005 года президент США Джордж Буш прилетел в Грузию.

Я никогда не сомневался в том, что США и их лидеры несут зло всему миру. Эта моя убежденность основывалась не столько на моем прошлом, хотя я родился и вырос в Советском Союзе, для которого США являлся геополитическим противником. Моя убеждённость – это результат долгого поиска и осмысления всего того, что происходило с моей страной, с моим народом, что происходит во всем мире, и чему я был живым свидетелем. «Воцарение на американский престол» Дж.Буша-младшего и его дальнейшие действия для меня стали очередными свидетельствами моей правоты.

Утро того дня, когда самолет Дж.Буша приземлился на окраине города

[24] **УВКБ** – Управление Верховного комиссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций

Тбилиси, выдалось весьма солнечное и спокойное, и не было даже намека на ухудшение погоды. Я выехал из города, возвращаясь обратно в селение Гамарджвеба, и как раз проезжал по Кахетинской трассе мимо аэропорта, как вдруг резко налетели тучи, начался порывистый ветер. Казалось, будто небеса прогневались на землю и готовы обрушить на нее всю свою мощь. Особенно сильные порывы ветра и тучи сгустились в районе аэропорта. Я подумал: «Хорошо, что я вовремя поехал домой, а то попал бы под дождь». Однако, приехав в свое село, я понял, что погода успокоилась. И каково было мое удивление, когда в новостях я услышал, что именно в тот момент, когда произошло это «светопреставление», в аэропорту Тбилиси приземлился самолет, на борту которого был президент США. Для кого-то это может показаться совпадением, а для меня это было знамением того, что Буш – это олицетворение апокалиптического антихриста, или, по крайней мере, его предтеча.

И, что и следовало ожидать от визита такого гостя, ситуация в Грузии в целом, и вокруг меня в частности начала развиваться не лучшим образом. С того самого момента, как от меня резко отстали мои «опекуны» из контрразведки, меня все время не покидала мысль, что они что-то готовят для меня. Что-то такое, что поможет им, как мечтал Гия Габуния, раз и навсегда избавиться от меня как от лишнего свидетеля. Я стал тщательно анализировать те события, которые происходили до, во время и после моего задержания, и вдруг вспомнил, как Георгий из контрразведки давал мне подписывать бумаги, на которых не было ни дат, ни имен, но зато были мои подписи. Вспомнил и расписки в получении денежных средств, которые они мне выдавали всякий раз, когда я шел на встречу с В.Соколовым. При желании их можно было заполнить так, что мои расписки могли быть даны кому угодно: ГРУ, ЦРУ, Усаме бен-Ладену… Вспомнил, как Георгий пытался выведать, есть ли у меня российский паспорт (ведь в Грузии я пользовался только грузинскими документами, что опять же им усложняло возможность моего использования в качестве подставной фигуры). «Вспомнив всё», я задумался над тем, как бы я поступил на месте грузинских спецслужб, если бы хотел: во-первых, насолить России; во-вторых, подыграть Бушу; в-третьих, ликвидировать меня как свидетеля.

Размышляя над этим, я невольно вспомнил историю с покушением на Эдуарда Шеварднадзе, которую мне рассказывал Абдул-Малик Межидов. Он сказал, что один из участников покушения чеченец Мустафа был убит выстрелом в спину. Более того, у него не было и не могло быть с собой паспорта, так как все документы были специально оставлены на конспиративной квартире в Тбилиси. Но почему-то у убитого в кармане следователи обнаружили российский паспорт[25].

Я так же вспомнил рассказ советника Аслана Масхадова, который был

---

[25] Эту же информацию мне подтвердили двое грузин-звиадистов Саша и Звиад, с которыми я познакомился в тбилисской тюрьме. Они подтвердили, что паспорта были оставлены на квартире, и что когда нападавшие в упор расстреляли машину Шеварднадзе, его там не оказалось. А история о чудесном спасении Эдуарда неким гаишником – это просто миф

свидетелем телефонного разговора президента Ичкерии и Эдуарда Шеварднадзе, состоявшегося после того, как Масхадов пообещал провести расследование этого инцидента, так как обвинение в покушении на Шеварднадзе пало на чеченцев. Грузинский президент позвонил Масхадову и попросил не поднимать шума. Шеварднадзе сказал, что он знает о непричастности чеченцев, что он все объяснит Аслану при встрече и даже научит его некоторым вещам.

Что имел в виду Шеварднадзе, рассказчик мне так и не поведал, так как в дальнейших приватных беседах двух лидеров он не участвовал. Однако через какое-то время, когда Аслану Масхадову захотелось избавиться от Шариатской гвардии и Джамаата, которые были его верной опорой, на него вдруг тоже произошло покушение, и Аслан таким же чудесным образом спасся. Последствия обоих покушений тоже оказались похожи, как две капли воды.

Шеварднадзе в покушении на себя обвинил Россию, своего злейшего врага Георгадзе и Примакова, связав их с звиадистами. Таким образом, Эдуард избавился от реальных противников, одних лишив возможности въезда в страну, а других засадив за решетку на долгие годы. Масхадов, объявив Джамаат Чечни союзниками русских и евреев, также сделал их персонами «нон грата» во всей Ичкерии. Правда у Масхадова эта «мистификация» получилась менее удачно, чем у Шеварднадзе, но дело не в этом…

Ко всему прочему я вспомнил рассказ Светланы Кадахашвили об одном ее друге полковнике Цанава, бывшем заместителе Иоселиани, к тому времени отбывавшем срок в тюремном заключении. По его словам, его подставили и посадили после того, как он случайно на столе у своего непосредственного шефа Автондила Иоселиани увидел план покушения на Шеварднадзе.

Сопоставив все эти факты, я пришел к мнению, что вероятней всего грузинские спецслужбы готовят инсценировку покушения на американского президента, и непосредственным участником этого «покушения» вполне может оказаться чеченский террорист, связанный с арабами (в лице Амжета) и российскими спецслужбами (в лице В.Соколова).

Для кого-то это может показаться больной фантазией. Не спорю, но это не мои больные фантазии, а «больные фантазии» Михаила Саакашвили и его команды, которые без зазрения совести убили Зураба Жвания и еще десятки своих граждан. И не стоит забывать, что «покушение» на Дж.Буша все же было, и было оно действительно инсценировкой.

Основания насторожиться у меня действительно были. За несколько дней до прилета в Грузию Дж.Буша мне позвонил один из членов нашего комитета Дато Циндалиани и попросил о встрече. Я, как обычно, встретился с ним в Тбилиси в нашем офисе на площади Свобода (где впоследствии и произошло «покушение»). Он сообщил, что собирается участвовать в акции по встрече президента США и попросил меня присоединиться к этому мероприятию. Я сразу понял, что его об этом попросили, и меня хотят заманить на площадь.

Я знал, что Дато давно завербован спецслужбами Грузии, это произошло

еще в 2001 году и с моего одобрения. На него сильно давили, и я сам убедил его согласиться работать на спецслужбы ради его же безопасности и ради нашего общего дела. Мы договорились, что он будет передавать только то, что мы хотим, чтобы они «услышали». В свою очередь, Дато мне регулярно сообщал, какими вопросами интересуются спецслужбы Грузии, это позволяло мне вовремя узнавать об опасности.

Сейчас Дато, конечно же, не знал о готовящейся провокации, но он честно сказал мне, что именно его «кураторы» попросили пригласить меня на это мероприятие. Я, естественно, сказал, что обязательно приду. Он еще несколько раз перезванивал, уточняя время и место встречи, последний звонок от него раздался как раз в то утро, когда произошло так называемое «покушение» [26].

Я понимал, что если за меня действительно взялись всерьез, то за мной будут следить, а если понадобится – то могут ликвидировать и дома, а потом подбросить труп в нужное место, как это было сделано со Жванией. Поэтому в тот день я действительно поехал в Тбилиси, однако в городе я изменил маршрут и купил билет в другом направлении, чтобы потом документально подтвердить свое алиби.

Обвинить меня в покушении было невозможно: меня в то время на площади не было, как, впрочем, и вообще в Тбилиси. И естественно, камеры меня не могли зафиксировать. Быть может именно по этой причине гранату и не бросили, а просто подбросили, так как было не на кого перекинуть вину. Тот же бедолага, на которого свалили это покушение, был немножко «не в своем уме», и все об этом в Грузии знали. Потому, вероятно, он с удовольствием и взял на себя вину.

Впрочем, если подумать, выбор этой «жертвы» грузинскими спецслужбами тоже не был случаен. Арутюнян жил именно в том доме, где мы когда-то снимали квартиру под офис, вполне вероятно, что мы с ним не раз пересекались в подъезде, на улице, в магазине. То есть нашу связь, при желании, тоже можно было доказать.

И я все больше убеждаюсь, что чеченско-арабская карта, которую так и не удалось разыграть грузинским спецслужбам в ходе этого «покушения», все еще хранится у них в рукаве, и они настойчиво ищут повод, чтобы пустить ее в ход. Судите сами: через пять с лишним лет после описываемых событий в СМИ появилось следующее сообщение: *«Владимир Арутюнян, осужденный пожизненно за покушение в 2005 году в Тбилиси на президента США Джорджа Буша, принял в тюрьме ислам, отпустил бороду и изучил арабский язык. По словам адвоката Арутюняна Гелы Николаишвили, этот факт привлекает внимание правоохранительных органов, которые до сих пытаются узнать, не действовал ли он в контакте с какой-либо террористической организацией…»*

---

[26] Кстати, после этого случая с Дато Циндалиани мы больше не встречались. Впоследствии я узнал, что он пропал без вести. Скорее всего, беднягу тоже устранили как лишнего свидетеля

(«Независимая Газета», 2 декабря 2010 г.).

И еще одна небольшая цитата из СМИ, расставляющая, как мне кажется, «все точки над и» в той истории:

«Бывший заместитель начальника спецслужбы президента Грузии Михаила Саакашвили Василий Гиголашвили сегодня высказал сомнения в реальной опасности инцидента, когда в президента США Джорджа Буша, выступавшего на площади Свободы в Тбилиси в мае 2005 года, была брошена граната.

Гиголашвили считает, что в ходе визита президента США были предприняты беспрецедентные меры безопасности, и бросить в Буша гранату у Владимира Арутюняна не было никакой возможности.

Комментируя интервью Гиголашвили, глава администрации МВД Грузии Шота Хизанишвили сказал, что МВД пока не собирается делать в связи с этим официального опровержения. По словам Хизанишвили, «дело уже расследовано и закрыто, и суд вынес свой приговор. Виновность обвиняемого Арутюняна установлена».

Комментарии, как говорится, излишни…

Южная Осетия, август 2008 года

После 2005 года я больше не контактировал со спецслужбами Грузии, разве что иногда видел своих «давних знакомых» на парадах, празднествах и иных официальных мероприятиях, куда меня время от времени приглашали. Однако попытки вновь втянуть меня в активную общественно-политическую деятельность не прекращались.

В период с 2005 до 2008 года в Тбилиси проходило множество мероприятий, связанных с геноцидом черкесов, проводились конференции по Чечне, был организован семинар на курорте Гудаури, где американцы подбирали себе кадры. Мне предлагали организовать радиостанцию, вещающую на весь Кавказ, предлагали участвовать в создании телеканала, впоследствии оформившегося как канал «ПИК» (Первый Кавказский), предлагали работу корреспондентом чеченской студии на радио «Свобода».

Я, как мог, сопротивлялся и наотрез отказывался от участия в тех проектах, которые носили явно выраженный антироссийский характер. После всех подлостей, которые я пережил как со стороны грузинских спецслужб, так и их американских патронов, убедить меня в том, что русские – наши враги, уже было невозможно. К 2008 году я окончательно осознал, что «мои друзья стали мне врагами, а враги – друзьями».

Впрочем, это не означает, что я вовсе перестал заниматься общественно-политической работой. Было участие в очередных выборах в Грузии, работа в нескольких партиях. Я продолжал писать аналитические материалы, как для Бориса Какубавы и его партии «Беженцы Грузии», так и для ряда других изданий, продолжал выступать с докладами на правозащитных конференциях. Незадолго до того, как преступная клика Саакашвили совершила вероломное нападение на

Южную Осетию, я сделал очередной такой аналитический прогноз, которым поделился со своими друзьями.

Дело в том, что имидж Саакашвили в глазах грузинского народа (да и всей мировой общественности) после его эпатажных выходок: купания в бассейне с Тимошенко, вызова на дом массажистки из Голливуда, историй с беременностью его секретарш – был не на высоте. Эксцентричный, мало предсказуемый и неоднократно скомпрометированный Миша порядком поднадоел его заокеанским партнерам. Американцы не менее России хотели его сменить. Все чаще стали говорить, что уже идут переговоры о замене Саакашвили на некую нейтральную фигуру. Как раз в этот период Саакашвили стал создавать для себя искусственную оппозицию в лице Ираклия Аласания, который в случае непредвиденных обстоятельств мог бы занять его место. В этом случае Грузия и при новом правителе смогла бы продолжать курс, указанный США, но уже. Вполне возможно, что реализацию подобного плана мы и наблюдаем сегодня в Грузии, несмотря на то, что якобы победил «настроенный на контакт с Россией» политик Бидзина Иванишвили...

А тогда, в 2008-ом, в своей аналитической записке, которую я адресовал одному из своих товарищей, я прогнозировал, что в этих условиях самый оптимальный выход для Саакашвили – не дать договориться Москве и Вашингтону по поводу его замены. И что для этого он, скорее всего, попытается вбить клин между Россией и США путем некой провокации, которая усилит его позиции как единственного защитника и гаранта независимости Грузии. Скорее всего, это будет некий локальный конфликт.

Позже эту мысль я повторил в узком кругу наших старых друзей-звиадистов, которые имели прямую связь с Саакашвили и его женой (сегодня эти люди еще во власти, и я не хочу называть их фамилии, так как дорожу их дружбой). Меня пригласили в гости, чтобы в очередной раз склонить на сторону правящего режима, но я и там заявил, что Саакашвили своей неадекватностью ввергнет Грузию в очередной конфликт, в который втянется и Россия, и тогда хваленые союзники Грузии – американцы – не придут к грузинам на помощь, потому что дружба с Россией для США важнее Грузии.

– К тому же США и Запад в целом никогда не были последовательны в своих действиях. Они всегда бросали своих друзей, – заявил я тогда.

Мне пытались возражать и потребовали подтвердить свои слова примерами.

– Пожалуйста, – ответил я. – Вспомните хотя бы период гражданской войны в России, когда Антанта бросила своих друзей на произвол судьбы. А сдача англичанами более 100 тысяч казаков Сталину после второй мировой, это разве не пример предательства и вероломства англосаксов?

Не прошло и года, как моим предостережениям суждено было сбыться.

Сидя в офисе одной из грузинских политических партий, создававшихся Саакашвили под видом оппозиционных, мы узнали о том, что идет мобилизация молодежи. Руководитель этой партии тоже готовился отправить своего сына-

студента в состав резервистов.

Точно ничего не было известно, лишь шли слухи о некой военной операции, которая станет судьбоносной для Грузии и поднимет Саакашвили «до небесных высот». Когда мы стали интересоваться, в чем дело, лидер этой партии по секрету нам рассказал, что готовится операция по наведению порядка в Южной Осетии, и что те, кто будет участвовать в этой операции, впоследствии будут «купаться в лучах славы». И он готовил для этого «чудесного крещения» своего сына-студента. Нам со Светланой Кадахашвили пришлось ему долго объяснять, что эта затея может стать концом Грузии, и что если он дорожит своим сыном, лучше его попридержать для другого случая. К концу нашей беседы этот наш товарищ уже не был так восторженно возбужден, а был скорее озабочен, ведь теперь ему нужно было найти надежный предлог, чтобы не пустить сына на явную авантюру. Возможно, именно благодаря этой нашей беседе его сын остался жив, а не разделил участь тех сотен юнцов, которые попали в мясорубку, устроенную Саакашвили.

На дворе стоял август 2008 года. Бои в Южной Осетии продолжались третьи сутки, шла бомбежка Гори. Российские подразделения, участвовавшие в операции по принуждению к миру, стояли практически на окраине Тбилиси. Это было время, когда я по уговору работников УВКБ ООН в Грузии со своей семьей, находился в лагере беженцев в Панкисском ущелье в селении Дуиси (моя жена и дочь вернулись ко мне из Чечни в 2005 году).

Появились слухи, что не исключена бомбежка Панкисского ущелья, некоторые начали говорить о предстоящей спецоперации российско-чеченского спецназа по поиску боевиков, скрывающихся в этом районе. Поддавшись панике, некоторые беженцы начали рыть блиндажи, не понимая, что в случае реальной бомбардировки эти убежища как раз и могут быть восприняты как фортификационные сооружения. Поняв всю глупость этой затеи, как и опасность промедления, я выехал в Тбилиси, чтобы встретиться с Али по кличке «Зона», являвшимся представителем Доку Умарова в Грузии и, одновременно, агентом АТЦ, находившимся под опекой одного из руководителей этой организации Серго Америдзе.

Наша встреча состоялась в доме одного из родственников Руслана Гелаева по имени Иса, который пользовался заслуженным авторитетом среди беженцев. Мы провели совещание, обсуждая, как же нам поступить в данной ситуации. Я сказал, что если русские войдут в Тбилиси, то нам придется очень туго, и желательно не сидеть «сложа руки», а что-то предпринять.

– Я понимаю, – рассуждал я, – что некоторые мужчины могут принять бой, другие – уйти в Турцию, но как же быть с нашими семьями, с женщинами и детьми, которые окажутся брошенными, да еще и могут пострадать в результате боев?

Али меня внимательно слушал, было видно, что он совершенно расстроен, и не знает, как поступить. Наконец он прервал молчание:

– Серго из АТЦ предлагает вооружить чеченцев и организовать из них отряды обороны Тбилиси, – сказал он. – Я пока ему ничего не ответил на это.

– Иметь на руках оружие – это всегда хорошо, тем более в данной ситуации, – согласился я. – А то грузины, следуя своим «старым традициям», могут нас просто продать взамен на какие-нибудь уступки из Москвы. Так что соглашайся, скажи, что мы готовы, но идти в бой не спешите, – добавил я, понимая по его поведению, что он особо в бой и не стремится.

Али-«Зона» тут же позвонил по телефону и договорился о том, что нам выделят оружие и все остальное, что необходимо, лишь бы мы встали на защиту Грузии. По разговору Али было видно, что и сами сотрудники АТЦ в панике и тоже не особенно понимают, что нужно делать. В страхе они были готовы отдать нам все, что мы попросим, даже если бы речь шла о ядерном оружии. У этой паники была вполне объяснимая причина: слухи, доносившиеся до нас, предупреждали: «в авангарде наступления русских идет чеченский спецназ».

Иса, родственник Гелаева, посоветовал не спешить брать в руки оружие, а прежде всего вывезти женщин и детей из Тбилиси и Панкисского ущелья. Эту задачу Али-«Зона» как представитель Имарата Кавказ возложил на меня.

Я сказал, что в любом случае собираюсь вывезти свою беременную жену и двоих детей, а после вернусь к ним, но если вывозить всех, то на это нужны средства и нужно договариваться с грузинскими и турецкими властями: с грузинами – чтобы они выпустили наших беженцев, а с турками – чтобы они их впустили.

– Это не проблема, – уверенно заявил Али. – Поезжай в Панкисское ущелье, деньги возьми у Зиявудина Идигова, а с грузинами и турками я вопрос решу через Серго и Муссу-«Мосола» [27].

На дворе была ночь, прошло несколько дней с тех пор, как грузинские войска вторглись в Южную Осетию. Где были войска Грузии к этому времени, никто не знал, но зато все знали, что российские войска стояли на окраине Тбилиси в районе Мцхета, всего в 10 километрах от центра города. Мы вышли на одну из улиц Тбилиси, улицу имени Важа Пшавела, недалеко от здания МВД. Город практически был брошен всеми его руководителями, и только броские рекламы и подсветка витрин дорогих бутиков напоминали о том, что еще недавно здесь бурлила пестрая столичная жизнь.

Нас было около десяти чеченцев, стоявших и громко смеявшихся, обсуждая, что может произойти с нами и с Грузией, если произойдет вторжение в Тбилиси. Страха не было, было ощущение полной свободы. Наверное за многие годы пребывания в Грузии мы не чувствовали такой свободы, как в эти мгновения. В эти минуты город принадлежал нам, и не было ни одного человека, гражданского или военного, который бы сейчас мог сказать нам хотя бы слово, чтобы мы ни

---

[27] Уже упоминавшийся Мусса по кличке «Мосол» к тому моменту стал представителем Имарата Кавказ в Турции

делали. Последний раз я переживал такие чувства в 1994 году в Грозном, стоя перед зданием бывшего Совета Министров, когда федеральные войска вели бои за села Долинск и Первомайск.

Мы громко смеялись, предчувствуя великую битву, смотря друг другу в глаза и прекрасно осознавая, что скоро многих из нас может и не остаться в живых. Услышав шум и возбуждение на улице, некоторые люди открывали окна и с удивлением смотрели, кто же это весел в такие трагические часы, нависшие над страной и городом. Чтобы не смущать людей, мы стали разговаривать и смеяться тише, а потом и вовсе разъехались, договорившись о дальнейших действиях.

Я уехал в Панкисское ущелье собирать беженцев, а Али-«Зона» в АТЦ за оружием. То, что Али ни на что не способен, я понял, когда с утра столкнулся с проблемами. Никаких денег на дорогу я от Зиявудина Идигова не получил, поскольку он не только не собирался выполнять распоряжения Али, но и вообще всерьез его не воспринимал. Автобусы, которые обещал прислать Али в Панкисское ущелье, так и не прибыли. Поняв, что все, что говорил «Зона», не более, чем пустые слова, я взял свою семью и отправился в Тбилиси к Борису Какубаве, полагая, что там моим родным будет безопасней.

Борис Какубава и его жена Тинна Ахалая с радостью приняли нас, как своих родных. Я уже оставил было затею с выездом в Турцию, но тут в Тбилиси стали съезжаться беженцы, прослышавшие, что я собираюсь их вывозить. Делать было нечего, и я решил снова связаться с Али.

«Зона» сделал вид, что не понял реакции Зиявудина, пообещал, что разберется с ним, и снова меня клятвенно заверил, что вопрос с грузинами и турками он решил и можно смело ехать к границе. Мало доверяя его словам после случившегося, я по своим каналам связался с турецким «Красным крестом» и договорился, что они разместят у себя беженцев. Определенную уверенность придавало и официальное заявление турецкого премьер-министра, в котором он выразил готовность принять беженцев из Грузии. Воодушевленные этим сообщением, беженцы собрались в доме у Исы в Тбилиси, и после долгих разногласий и споров их разместили в трех микроавтобусах, куда удалось втиснуть около 50 человек.

До того, как я выехал с беженцами к границе, я побывал в гостях у Зелимхана Хангашвили, который являлся эмиром Панкисского джамаата и имел серьезные разногласия как с Али-«Зоной», так и с Имаратом Кавказ. Перед отъездом в Турцию я хотел его предупредить о своих опасениях и сказать, чтобы он не ввязывался в этот конфликт. Придя в дом, который он снимал неподалеку от площади Гагарина (рядом с Иранским посольством), я нашел готовую к бою вооруженную группу «моджахедов» около 10 человек. Как мне сказал Зелимхан, на подходе была еще сотня бойцов из Панкисского ущелья. Увидев меня, боевики развеселились:

– А мы слышали, что ты уже стоишь в очереди у российского посольства в

Баку, – расхохотались они.

– Да, много чего обо мне говорят… Но, как видите, я еще здесь, – ответил я и рассказал им про свое «сотрудничество» с Али-«Зоной».

Хангашвили понимающе выслушал меня, он и до этого был невысокого мнения об этом человеке. В ответ Зелимхан поведал мне, как по доносу того же Али, на которого якобы было совершено покушение, членов Панкисского джамаата чуть не посадили.

– Он интриган, который волнуется лишь о своей собственной шкуре, – подытожил Зелимхан и добавил, что Али все-таки отказался брать оружие у Серго, показав тем самым, что он к тому же еще и трус.

– Возможно он и не герой, – согласился я, – однако сейчас он поступил правильно. Это я ему посоветовал подумать, прежде чем согласиться на такой шаг, а если вы и взяли оружие, то ни в коем случае не должны участвовать в боестолкновениях с русскими, – сказал я и начал объяснять им сложившуюся ситуацию.

В конце я добавил, обращаясь лично к Зелимхану Хангошвили:

– Разве они мало тебя подставляли?! И сейчас, когда есть вероятность, что их власть полетит, они захотят избавиться от свидетелей, и в первую очередь от тебя и меня. Так что если вы пойдете на позиции, то ждите выстрелов в спину, – заявил я.

Зелимхан призадумался.

– Ты прав! – наконец согласился он. – Меня они точно ликвидируют, да и Лордкипанидзе не отдаст меня живым в лапы русских.

Он, конечно, знал о чем говорит, ведь он себе подписал приговор еще тогда, когда во дворе АТЦ вместе с Лордкипанидзе и Гией Габуния готовил два Камаза с оружием, на которых позднее подорвался Шамиль Басаев. Это были те самые два Камаза, которые еще во время так называемой «антитеррористической операции» 2002 года АТЦ конфисковал с грузом ПЗРК и военной формы у Амжета. Я ничем не хочу умалять заслуги российской ФСБ в деле устранения Шамиля Басаева, но мне доподлинно известно, что весьма существенную роль в уничтожении командиров «чеченского сопротивления» сыграли и грузинские спецслужбы.

Судите сами:

отравленное письмо, в результате которого умер Хаттаб, ушло из Грузии;

информация о группе Хусейна Исабаева поступила российским силовикам из Грузии;

погибший Руслан Гелаев возвращался в Грузию по просьбе Шеварднадзе и был предан спецслужбами Грузии;

в убийстве Зелимхана Яндарбиева в Катаре принимали участие спецслужбы Грузии;

по некоторым сведениям, даже обнаружение Аслана Масхадова в селении Толстой-Юрт произошло не без помощи грузинских спецслужб.

И это не мои предположения, а достоверная информация, которую я могу

доказать, если это понадобится. Косвенно ее подтвердил и сам Михаил Саакашвили во время прямого эфира при презентации открытия канала «ПИК» (Первый Кавказский). Он тогда сказал: «Я помог русским внести перелом в чеченской войне, и надо сказать, что я совершил ошибку».

Никто, конечно, не понял, о чем шла речь в этом запоздалом раскаянии или, скорее, в очередном «мэсседже» Михаила Саакашвили. Если бы он раскаялся, то не стал бы через 4 года в ущелье Лопота вновь «подставлять» очередную группу чеченцев. Как и тогда, в 2008 году в Южной Осетии, Саакашвили хотел этой провокацией усилить свою позицию перед выборами в парламент страны. Заставить грузинский электорат под страхом вторжения русских проголосовать за его Национальную партию, а значит и за него самого, якобы единственного гаранта стабильности и свободы Грузии.

Тогда в 2008-м году Зелимхан Хангошвили прислушался к моему мнению и не пошел на позиции, хотя получил от грузинских властей оружие и все необходимое для этого. Но, похоже, в той ситуации в ущелье Лопота он вновь поверил тем, кто не раз подставлял его и его товарищей под удар. Результат известен: погибли семеро чеченцев и двое грузинских силовиков.

То, что операция в ущелье Лопота была организована силовиками Грузии, подтвердил родственник первого президента самопровозглашенной Ичкерии Джохара Дудаева Умар Идигов, передавший лидеру коалиции «Грузинская мечта» Бидзине Иванишвили всю имеющуюся у него информацию о произошедшем в Лопотском ущелье в августе 2012 года. Среди погибших, как утверждает Идигов, были врач и офицер, которых «дали в сопровождение представители грузинских спецслужб, и которых они убили сами, чтобы не осталось свидетелей». Идигов заявляет, что оружие уничтоженному отряду дал экс-глава МВД Грузии Бачо Ахалая.

– Я собираюсь обо всем говорить с фактами и доказательствами – кто привез их из Австрии, кто встречал их в аэропорту, кто наставлял их, – рассказал Умар Идигов в интервью журналистам. – Господин Иванишвили указал, что у него мало информации об этом, поэтому я передал ему всю информацию, – добавил он.

Что ж, у новых грузинских властей теперь есть на руках козыри, при помощи которых можно восстановить истину и доказать всему миру, что произошедшие в Грузии перемены – это не очередная хитроумная комбинация с целью обеспечить преемственность власти, а действительно свежая волна, способная смыть с этой прекрасной страны грязь и кровь, в которых измазали ее предыдущие правители. Вот только смогут ли они, захотят ли?..

Заключение

Возвращаясь к теме августа 2008 года, нужно сказать, что я так и не вывез

беженцев в Турцию, так как все те же грузинские спецслужбы в сотрудничестве с представителем Имарата Кавказ в Турции Муссой-«Мосолом» сделали все, от них зависящее, чтобы чеченцы на турецкую территорию не попали. Я целый месяц пытался получить разрешение на их выезд, пока мне не объяснили, что этого «кое-кто не хочет» со стороны наших представителей. И все же свою семью мне удалось перевезти в Турцию и оттуда отправить в Россию: в отличие от других беженцев, выехавших со мною на границу, у моей жены были документы.

Сам я вернулся в Грузию с горячим желанием найти этих «своих» - тех, кто так и не дал беженцам выехать из страны. Однако наткнувшись на недопонимание со стороны беженцев, многие из которых которые посчитали меня виновным в случившемся, я оставил эту затею. Хотел встретиться с Али-«Зоной» и рассказать ему, как они меня подставили, однако и это не удалось. А уж после того, как из Турции пришло сообщение что Муса по кличке «Мосол» убит, разбирательство вообще потеряло всякий смысл.

Я оставил это дело на «Суд Божий», а сам в 2009 году вернулся в Россию.

В 2012 году моему примеру последовал и экс-представитель Чеченской Республики Ичкерия Хизри Алдамов, который вместе со мною дал пресс-конференцию по Грузии. Он рассказал о «грязных делах», которые совершали грузинские спецслужбы, используя чеченских боевиков, прикрываясь чеченскими беженцами. В своих интервью в СМИ он полностью подтверждает все, сказанное мною в этой книге.

В интервью газете «Взгляд» Хизри Алдамов рассказал, кто и как из грузинских спецслужб поддерживал боевиков и организовывал теракты в России. Эти свидетельства стоят того, чтобы привести их практически без сокращений:

«ВЗГЛЯД: Сам президент Шеварднадзе в свое время признавал, что в Грузии присутствуют чеченские беженцы и члены незаконных вооруженных формирований. Он встречался с Русланом Гелаевым (генерал вооруженных сил сепаратистов, принимал участие в грузино-абхазской войне и обеих чеченских войнах – прим. ВЗГЛЯД) и даже назвал его «грамотным и образованным человеком». Спецслужбы Грузии официально приняли и способствовали деятельности таких одиозных лидеров боевиков, как братья Ахмадовы (девять братьев, организовавших с конца 90-х по начало 2000-х годов десятки похищений военнослужащих и бизнесменов с целью получения выкупа – прим. ВЗГЛЯД), Ачемез Гочияев, являвшийся руководителем, так называемого, Карачаевского джамаата и организатором взрывов домов в Москве и Волгодонске. Вы можете назвать имена тех представителей спецслужб Грузии, кто помогал боевикам?

Хизри Алдамов: Когда началась вторая (чеченская – прим. ВЗГЛЯД) война, было очень много беженцев из Чечни в Грузию, среди них оказались, в том числе, и боевики, такие как Гелаев. Грузинская сторона нас тогда поддержала, дала согласие, чтобы я кормил, одевал этих боевиков. Они, правда, скрывали от меня то, что у них есть оружие. Но, возможно, грузины им помогали и с ним. Теракты, произошедшие в тот период в Чечне и России, исходили из Грузии.

Кроме меня этого никто не знает, но это делали ее спецслужбы. И те, что сегодня происходят, организовывают тоже они. Руководил всеми такими операциями грузинский Антитеррористический центр, который возглавлял Леван Кенчадзе. Потом Саакашвили убрал эту структуру, а все вопросы стал курировать Гия Габуния (проходил обучение в ЦРУ, до 2010 года был главой грузинской военной контрразведки – прим. ВЗГЛЯД). Он собрал всех чеченских беженцев, боевиков, всех, кто приезжал в Грузию, в одну структуру. Этот человек создал несколько групп – шамилевская, гелаевская, исабаевская (имеется в виду Хусейн Исабаев – прим. ВЗГЛЯД) и братьев Ахмадовых, давал им разные задания. Например, война, убрать кого-то – пускал басаевскую группу; надо украсть человека – пускал ахмадовскую группу; кого-то тайно уничтожить – пускал исабаевскую группу. Вот такая система работала. Я сам находился там и видел, что происходило, сколько иностранцев украли, их родственники обращались ко мне, просили помочь. А над всем этим находился Гия Габуния.

ВЗГЛЯД: При Саакашвили поддержка террористов продолжилась и кто сейчас курирует в Грузии этот вопрос?

Х.А.: Когда после революции к власти пришли Саакашвили и его партия, я думал, что молодой парень поможет чеченцам. Вскоре после этого (в мае 2004 года – прим. ВЗГЛЯД) отравили меня, моего сына и моего двоюродного брата. Это сделали его спецслужбы и АТЦ во главе с Габунией, хотя ответственность тогда возложили на Россию. Я все это знаю, там находились рядом машины джамаата. Потом джамаат украл моего сына. Потом Саакашвили начал ездить по мусульманским странам и договариваться, что деньги, которые давали для войны моджахедам, распределять он будет сам. Америка тогда очень сильно взялась за Россию. Они вышли на американцев, и те стали выделять им большие средства. Этой группе, которая сначала организовала революцию на средства Джорджа Сороса и оккупировала сейчас Грузию, вообще нужны только деньги. Бокерия (секретарь Совета нацбезопасности Грузии – прим. ВЗГЛЯД), Якобашвили (посол Грузии в США – прим. ВЗГЛЯД), Дарчишвили (глава парламентского комитета по евроинтеграции – прим. ВЗГЛЯД) – вот список соросовской группы, все они сейчас занимают высокие посты. Сам Саакашвили, простите, что я так говорю, ненормальный человек. Он не воспитался как молодой человек, не воспитался как мужчина. Он не знает, как обращаться с женщинами, как обращаться к матери, к друзьям. Он непонятный человек, даже друзья называют ненормальным.

ВЗГЛЯД: Как вы можете охарактеризовать чеченскую эмиграцию сегодня, в частности, в Грузии? Какие там преобладают настроения?

Х.А.: Это очень сложный вопрос. Кистинцы там давно находятся, во время войны туда перебрались многие чеченцы, и сейчас там перемешалось все. Когда спрашивают кистинца – надоели грузинам, надо вам уехать на свою родину – они всегда говорят: «Если они хотят, чтобы мы уехали на Родину, мы уйдем, без стрельбы, мы готовы уехать». Вот такая обстановка. Они на Родину хотят.

Сейчас в Чечне полно кистинцев, приезжают сюда работать, жить. А в Грузии могут гелаевские, идиговские люди жить (Ахъяд Идигов является экс-главой парламента Ичкерии – прим. ВЗГЛЯД), Алла Дудаева... А чеченский народ хочет сюда. Пример тому – я.

ВЗГЛЯД: Как вы оцениваете недавние инициативы Грузии и Саакашвили в отношении Северного Кавказа, такие как безвизовый въезд, создание канала ПИК с вещанием на СК?

Х.А.: Я с Саакашвили 9 месяцев был близко знаком, здоровался с ним. Я знаю его нутро, мозги. Он вообще даже не грузин, а армянин, и скрывает это. Хотя разве оскорбительно быть армянином? Он никогда не любил чеченцев. У него был друг – чеченец Махаури, сейчас он умер. Саакашвили влюблен в деньги, он больной человек. Его мать, брат больны деньгами. Поэтому они продали Южную Осетию, Абхазию, скоро Аджарию и Кахетию продадут. Он все продаст. В 2014 году будут Олимпийские игры в Сочи – он что-то обязательно натворит».

Пост-скриптум

Не так давно стало известно, что Саакашвили и грузинские спецслужбы предпринимают шаги по созданию нового состава так называемого «правительства Ичкерии» для организации давления на Россию и активизации террористических группировок в Чеченской Республике. По информации Хизри Алдамова, для этого президент Грузии уже провел ряд конфиденциальных встреч с проживающим во Франции экс-главой парламента Ичкерии Ахъядом Идиговым.

Это значит – еще ничего не закончилось, и складывать оружие никак нельзя. Нужно бороться, раскрывая лицемерные и преступные замыслы грузинских властей, убеждать, доказывать, приводить примеры…

Раз и навсегда сделав когда-то выбор, отказавшись от автомата в пользу журналистского пера, я и сегодня считаю, что мысль, слово могут стать самым могучим оружием, если донести их до того, кто готов их услышать.

И если эта скромная книга заставит кого-то по-новому взглянуть на те события, что происходили в недавнем прошлом на Кавказе, увидеть то, что сегодня угрожает миру на этой земле – значит все, что мне довелось пережить, все, что я написал выше – все это было не зря!

г. Грозный,
декабрь 2012 г.